

Демид

Андрей Плеханов

День Дьявола

«Автор»

1999

Плеханов А. В.

День Дьявола / А. В. Плеханов — «Автор», 1999 — (Демид)

День Дьявола начинался вполне обычно. Однако для многих он оказался последним. Спасая из лап бандитов девушку, которую случайно увидел на улице, Мигель Гомес не подозревал, что этот случай станет первым в цепи событий, приводящих к страшной катастрофе и гибели множества людей. Прорыву в наш мир древнего могущественного демона Эль Дьябло способны помешать лишь сам Мигель, истребитель монстров Демид Коробов и его помощник, старый китаец Ван Вэй.

© Плеханов А. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

INTRODUCTION	5
ЧАСТЬ 1	10
ЧАСТЬ 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Плеханов Андрей

День Дьявола

(Демид – 3)

Посвящается Эмилио Гарсия, лучшему из представителей касты Consagrados в Испании.

Автор предупреждает, что по просьбе главного действующего лица им были изменены все имена, фамилии и национальность действующих лиц, время действия, а также названия всех упомянутых городов. Нежелательно также считать, что Парк Чудес – небезызвестный Порт-Авентура. Это совершенно другой Парк, хотя в целом и аналогичный Порт-Авентуре.

В остальном же описываемые события основаны на действительных фактах, имевших место в реальности.

В одной из реальностей...

INTRODUCTION

1

Я – полукровка.

Знаете, что это такое? Это когда никто не считает тебя своим.

В России я был испанцем. «Испанец-иностранец, антонииво-гондониво!» Так дразнил меня один мальчишка из нашего класса, проходу мне не давал. Сам он, кстати, был татарин, зато чистокровным. И стоило мне вякнуть «сам нерусский», как он со своими приятелями ждал меня после занятий у школы, чтобы в честном бою показать, кто здесь хозяин. Честный бой – пятеро против одного... Я вечно ходил с расквашенным носом. Но зато и сейчас могу подраться с пятерыми. Хотите попробовать? Рискните...

Я страшно хотел быть русским тогда. Чистым русским. А почему бы и нет? Мама моя – русская. Зато папаша был испанцем – гипотетическим. Его и других таких, как он, увезли из Испании еще детьми, в тридцатых годах. Выдернули из горящей Испании, из под носа у наступающих франкистов. Эвакуировали в СССР – оплот мира и прогресса. Спасли.

Тогда их на руках носили – этих маленьких чернявых детишек, родителями которых были погибшие антифашисты. Романтика, черт возьми... Долорес Ибарурри – пламенный лидер пламенной революции. Camaradas! No pasaran! ¹... Из испанских детей собирались вырастить образцовых строителей коммунизма, доказать преимущества советской системы воспитания.

Возились с ними недолго, началась Великая Отечественная Война. И мало уже кто вспоминал об этих кучерявых голодранцах – самим бы выжить. Разлетелись они по детдомам, по рабочим школам. Какие уж там испанцы? Жили как все. Стали Педры Петьками, Хорхе Жорками, Эухеньо – Женьками. Луисов, за неимением аналогов, окрестили почему-то Володьками – для порядку.

---

¹ Товарищи! Они не пройдут! (исп.).

Папаня мой, Хуан, стал Ванькой. И слава Богу. Уж больно имя неприличное для русского уха – Хуан. А фамилия осталась. Из-за нее, наверное, и все беды мои были. Ну как, скажите, можно жить в России приличному мужику с такой фамилией – Гомес?

Гомес. Гомик. Maricon².

Итак, позвольте представиться: Михаил Иванович Гомес. Так звали меня в России.

А здесь, в Испании, я – русский. Хотя и зовут меня уже Мигель, на испанский манер. Gomez здесь – фамилия вполне приличная, распространенная. А если кто скажет, что я – maricon, тут же схлопочет по морде. Пусть я даже загремлю за это в полицию.

Здесь, кстати, в ходу такие шутки. Какой-нибудь водитель грузовика, пьяный козел, может бить себя в баре огромными лапищами в грудную клетку и орать: "Soy pederasto!"³ И все будут ржать и хлопать в ладоши. Это же просто шутка!

Не жили они в России. У нас это не шутка. У нас люди таких шуток не понимают. Сказал, что ты голубой – значит, и есть голубой, уже не отмоешься.

А ориентация у меня самая что ни на есть нормальная. Я люблю женщин.

Есть, конечно, одна проблема, что там скрывать. Не нравятся мне испанские женщины – уж больно они страшненькие. На взгляд привычных испанцев, наверное, ничего. Но по сравнению с нашими, русскими девчонками... Сами понимаете.

Разборчивость меня губит, вот что. Всегда она меня губила. И там, в России, и здесь, в Испании.

В Советской России я был испанцем. Я ходил в настоящих джинсах, присланных родственниками из Испании, слушал настоящие пластинки Сантаны и «Gipsy Kings». Мне завидовали – поэтому, наверно, временами и били морду. Я варился в общей каше, но большинство считало, что у меня есть своя личная отдушина, из которой я имею возможность сделать глоток кислорода.

Здесь я – русский. У меня испанские имя и фамилия, но русский акцент, и русская манера поведения, которую не выведешь ничем, даже испанским вином.

Я, между прочим, не жлоб. Не «новый русский», которых здесь, в Испании, как собак нерезаных. Просто я свободный человек. Я был свободным в России, и приехал сюда, чтобы стать еще более свободным.

Наверное, я был прав. Здесь больше возможностей для того, чтоб свободным внешне. Здесь выше уровень жизни. Здесь не думаешь о том, не обвалится ли рубль и не обанкротятся ли разом все банки. Но только главное – это внутренняя свобода. Без внутренней свободы ты всегда будешь рабом. И мои испанские родственнички – пример этому.

Отец мой умер в Испании. Всю жизнь он жил в России, всю жизнь болел, но не умирал. А здесь – сгорел за год. Говорят, что от рака. Наверное, это правда. Только я думаю, что его доконало другое – наши испанские родственники.

Здесь много хороших людей. Большинство – хорошие. Нормальные, во всяком случае. Но есть категория людей, которых назвать нормальными нельзя. Я, по крайней мере, не могу. Хотя они считают себя самыми правильными из всех живущих. И уж, конечно, имеющими право указывать всем, как жить правильно. Праведно.

Два моих двоюродных дяди, Энрико и Карлос, относятся к такой категории. Говорят, ихний папаша, Освальдо Эскобар Гомес, тоже был таким – известным католическим проповедником. Но я не застал его в живых – к счастью. Мне хватает и двух моих дядь.

Это такая категория людей. *Правильные* католики. Наверное, они такие же правильные, как хасиды у евреев и приверженцы шариата у мусульман. Среди православных я таких почти не встречал. То ли выбили их всех в революционные годы, то ли сам разгильдяйский русский

---

² Гомик (исп.).

³ Я – педераст! (исп.)

дух, несмотря на религиозность, препятствует становиться до конца узколобым. Я пил водку с русскими священниками. Они были славными мужиками. С ними было интересно. Они были добрыми людьми.

Послушать дядю Карлоса – никого злее, зануднее и аскетичнее католического Бога нет на свете. Судя по мнению дяди Карлоса, основное занятие Бога – сидеть себе на облаке и высматривать в бинокль, кто там, на Земле, занимается человеческими грешками. Заносить грешников в черный список. Выписывать командировочные удостоверения в ад. А грехи совершают все. Постоянно. Кроме дяди Карлоса, конечно.

Моего Дядю Карлоса даже нельзя описать – это надо видеть. Самое большое страдание в его жизни – то, что он не ушел в монастырь. Вовремя не ушел, а теперь он стар и болен. Он боится не выдержать лишений. И у него есть кошки. На кого он их оставит, если уйдет в монастырь?

От дяди Карлоса всегда воняет кошками. У него их штук десять, а может, и больше – попробуй, сосчитай. Я один раз был у него дома, сидел там часа три. Мне хватило. Кошки там были везде, мне казалось, что я сижу по пояс в этих мурлыкающих тварях. Как не задохнулся, не пойму до сих пор. Но я терпел. Я прикинулся, что ни черта не понимаю по-испански, я был очень вежлив и любезен. Говорят, я даже понравился дяде Карлосу. Он сказал, что завещает мне свой дом после смерти. Если я буду примерным католиком.

Ну уж нет! Во-первых, дядя Карлос вряд ли помрет в ближайшие сто-двести лет – такие люди самые живучие, хоть и полудохлые с виду. А во-вторых, что я буду делать с этим вонючим домом? Есть только один способ избавиться от его кошачьего запаха – срыть дом бульдозером до основания и построить новый.

Мои родственнички говорят, что я – юсо⁴. А, по-моему, это они – свихнутые, причем на полную катушку.

А что касается того, чтоб быть католиком, я ничего против не имею. Я и так католик, оказывается. Крестили меня в этой вере еще в младенчестве. Но вот только *правильным* католиком я вряд ли буду. Не получится у меня. Как бы ни старался.

Дядя Карлос говорит, что никогда не имел связей с женщинами, и я ему верю. Это сразу заметно, даже невооруженным глазом. Раньше не знал, а теперь уже поздно. А может быть, всегда было поздно, с самого рождения.

У дяди Энрико есть жена – тетя Кларита. Стало быть, он не такой идеально правильный, как дядя Карлос. Нарушил, так сказать, обет вечной девственности. Думаю, лет десять отсидки в Чистилище ему за это полагается. Чистилище – это специальное место для душ католиков, представителей других христианских конфессий туда почему-то не пускают. Туда попадают души не слишком закоренелых католических грешников, там они проходят соответствующее политвоспитание и санобработку, после чего все же попадают в рай.

Дядя Энрико намного лучше своего братца. И кошек у него нет. Но все равно он занудный. Это у него дома жил отец целый год. И я жил – после смерти отца. Три месяца. На большее меня не хватило.

Жалко мне своего отца. Всю жизнь он был атеистом, преподавал биохимию. А на старости лет попал в такую богадельню, где, простите, рыгнуть нельзя, не прочитав специальную молитву.

Отец не был воинствующим атеистом. И коммунистом никогда не был – более того, тихо саботировал все попытки зачислить его в компартию. Ему была по фигу любая религия – что коммунистическая, что католическая. Жизнь для него выражалась в химических формулах. Если он смотрел на человека, он сразу же прикидывал, какие биохимические процессы идут у

---

⁴ Сумасшедший (исп.).

этого человека там, внутри. Он был влюблен в биохимию. Это была единственная его любовь, на всю жизнь.

Я думаю, что, если бы ему дали почитать книжку под названием «Биохимические процессы божественности», он поверил бы в Бога. Но этой книжки никто не написал. И отец не успел стать верующим человеком. Он просто умер.

Его достало все это.

Между прочим, сам я – далеко не атеист, в Бога я верю. И, может быть, вера помогла мне выжить в той заварушке, о которой я хочу вам рассказать. Просто мне кажется кощунственным обращаться с Богом так, как делают это мои дядюшки. Они уничижают Бога, низводят до своего уровня, делают его таким же глупым, как они сами.

В моем представлении, Бог – не добрый и не злой. Он даже не *правильный*. Он просто умнее нас. Умнее настолько, что мы и представить не можем. Я знаю, что Он есть. Я верю в это. Но я не пытаюсь понять Его поступки. Может быть, вы скажете, что я не прав, но так уж я устроен. Я воспринимаю все так, как есть, как устроено Богом. Я – фаталист. Это плохо, наверное, но меня уже не переделать. Это моя жизненная философия.

Я верю в Бога, но католик я плохой. Можно сказать, отвратительный. В средневековье меня сожгли бы на костре, как еретика, потому что тогда было менее греховным не верить в Бога вообще, чем верить и иметь на этот счет собственное мнение.

А тот, кому моя философия не нравится, может выучить еще десяток католических молитв и при помощи их попытаться воздействовать на Всевышнего. Можно даже выдумать эти молитвы самому. Потому что все молитвы выдуманы людьми. Не думаю, чтобы Бог занимался такой ерундой, как разучивание псалмов, у него и так дел хватает.

2

К чему я все это рассказываю? Ах, да! Я хочу вам рассказать об одной ночи. Весь мой рассказ – всего лишь об одной ночи. Той самой ночи в Парке Чудес, о которой в газетах написали что-то типа: «Природный катаклизм в Парке Чудес, землетрясение, большой карстовый провал. Много человеческих жертв». И все. Что-то заставило заткнуться всех газетчиков и телевизионщиков, сующих свои носы в любую щель, даже половую.

Там было о чем написать. Даже если газетчики не знали, что произошло на самом деле (а они не знали, потому что кто из нас шестерых стал бы рассказывать им правду?), то одной картины всеобщего разрушения было бы достаточно, чтобы у всей читающей публики встали дыбом волосы на голове. Однако не написали почти ничего. Кто-то заставил их замолчать. Я догадываюсь, кто.

Я расскажу вам. Расскажу, хотя вы мне и не поверите. Люди любят страшные сказки, только они не верят в них. Неприятно верить в то, что такое может случиться с тобой – что рука покойника высунется не откуда-нибудь, а из-под твоего дивана, что демон обитает не в каком-нибудь мифическом Колодце Зла, а в твоем унитазе и ежится каждый раз от холода, когда ты сливаешь воду. Страшно не тогда, когда на планете Ркыр паукодракон закусывает подвернувшейся на завтрак блондинкой. Страшно то, что происходит с тобой.

Это произошло со мной, и я хочу рассказать об этом. Рассказать не для того, чтобы испугать кого-то, и даже не для того, чтобы донести до людей правду. В конце концов, что это такое – правда?

Просто я начал забывать – так же, как уже давно забыли об этом все, кто видел. А их было много. Ван сказал мне, что это неизбежно, что все мы забудем, потому что так написано в Золотой Книге небес.

Так и случилось. Все забыли о произошедшем, как только вышли за пределы Круга. Так, помнили дребедень какую-то, к делу отношения не имеющую. Они были рады, что остались

живы. Это было немало – остаться живым в той дрянной заварушке. Очень немало. Не всем это удалось.

А я ничего не забыл. Я просто не мог говорить об этом. Не повезло мне – тот, кто управляет всеми нами, оставил мне память, но сковал язык. Что это было? Наказание за строптивость? Я помнил все, я просыпался с криком среди ночи, когда снова видел гигантские балки, гнущиеся под напором ураганного ветра, как тростинки, видел вагонетки, падающие в бездну, видел безумные глаза людей, сидящих в них, видел рты, открытые в последнем вопле ужаса. Я мечтал забыть все это – так же, как забыли все. Но не мог.

Наверное, эта память должна была убить меня. Добить меня, потому что я не должен был выжить ТАМ. Но я справился и не свихнулся. Я всегда был свободным, но теперь оказался еще и сильным.

Год прошел с той ночи. Целый год. И я не знаю, что было кошмарнее – та катастрофа или год воспоминаний о ней? Я жил как в аду, и никто не мог мне помочь, даже Лурдес.

А потом пришла открытка от Вана. Открытка из Лондона. Там почти ничего не было написано. Только «The Big Weel has turned. All the best. Wang»⁵. И больше ничего.

Всего одна строчка – вполне в духе старикана Вана Вэя. Не могу даже признаться, что я понял его. «Большое Колесо повернулось»... Ван всегда изъяснялся, как китаец – немногословно, но многозначно. Любое слово могло означать у него что, угодно, но только не то, что вы об этом думаете.

И вдруг меня отпустило. Я по прежнему не могу произнести об *этом* ни слова. Но, если раньше я не мог написать о той ночи ни строчки, то теперь обнаружил, что могу хотя бы записывать свои мысли. Тот, кто управляет нами, оставил скованным мой язык, но развязал мне руки. Может быть, он ошибся, не предусмотрел что-то, ведь у него так много дел там, наверху? И теперь я пишу эти строки, и вздрагиваю в ожидании наказания.

Я спешу. Потому что я начал все забывать. Я больше не вижу снов о том, как Эль Дьябло засасывал в свою воронку все, что мог сожрать, до чего мог дотянуться своими когтистыми лапами. Я больше не кричу по ночам. Я сплю, как младенец и не вижу снов.

Теперь я боюсь другого. Боюсь забыть. Боюсь не успеть записать самое важное.

Я знаю, что все забуду, и слава Богу! Не хочу всю жизнь вспоминать горячий смрад дыхания Дьявола на своем лице. И если эти листки выживут, и не будут стерты кем-либо из Хранителей, и снова попадутся мне на глаза, то я, вероятно, даже не пойму, о чем здесь идет речь. Не поверю, что это случилось со мной.

Парк Чудес открыт, его восстановили быстро. Нельзя лишать удовольствия детишек, да и взрослых, которые хотят прокатиться с «русских горок», промчаться по бушующим волнам и свалиться с высоты под рев вулкана. А что же «Эль Дьябло»? «Эль Дьябло» снова работает – почему бы и нет? Это всего лишь один из аттракционов, причем, один из самых безопасных. Вы можете пойти в парк и удостовериться в этом хоть сегодня.

Я спешу. Я должен успеть. Потому что скоро я засну. Засну так же, как большинство людей, которые ходят по улицам, и разговаривают, и смеются, и едят, и любят друг друга. И при этом спят, не видят того, что способны увидеть лишь *бодрствующие*.

Дьябло заснул. Может быть, он будет спать теперь пятьсот лет. А может, и меньше, потому что мы не дали ему насытиться. Не дай вам Бог увидеть, как он проснется от голода.

Потому что когда-нибудь он проснется снова. Обязательно. Так было всегда.

Gaudium magnum annuntio vobis. Habemus carnificem.⁶

---

⁵ Большое колесо повернулось. Всего хорошего. Ван (англ.).

⁶ Радость великую возвещаю вам. У нас есть палач (лат.).

ЧАСТЬ 1

МАТАДОР И БЫЧАРЫ.

1

День Дьявола начался вполне обычно. Не было с утра никаких предвестников того, что он так ужасно закончится. Будильник запищал в семь ноль-ноль, паразит. Заголосил визгливо и даже скандально – как всегда, не вовремя, в серединке самого интересного сна.

Мне снилась девчонка – та самая, черненькая. Самая симпатичная из испанок. Единственная из испанок, которая запала мне в душу.

Черт возьми, никогда не думал, что влюблюсь в испанку. Мне никогда не нравились яркие брюнетки. В моем представлении, образу яркой брюнетки обычно сопутствуют тяжелые бедра, пышная грудь, животик – если не круглый, то начинающий круглеть. И, простите, запах пота, перебиваемый наслоениями вылитых в неумеренном количестве дорогих духов. Таково большинство испанок, даже если они перекрашены в блондинистые цвета. Это не в моем вкусе.

Там, дома, у меня были девушки.

Все еще называю Россию своим домом, никак не могу отвыкнуть. А может, и не надо отвыкать? Мне до сих пор бывает страшно при мысли о том, что я не вернусь в Россию. И страшно подумать, что вернусь туда снова. Я живу в Испании уже больше года, я еще не гражданин этой страны, но у меня есть вид на жительство. Я знаю, что стану гражданином Испании. Но прошлая жизнь – она всегда с тобой, она возвращается к тебе по ночам. До сих пор порою во сне я иду по горам Карабаха, где служил в армии, медленно ставлю ноги на неустойчивые камни горной тропинки под блеклым небом, спаленным жарой, и спиной чувствую дуло автомата – азербайджанского ли, армянского, какая разница? Это был наш долг тогда, в конце восьмидесятых – ходить под пулями, чтобы два народа не стреляли друг в друга. Миротворческие силы – вот как это называлось. А они все равно стреляли, их уже ничто не могло остановить. Они стреляли, а мы находились меж двух огней. Мы ловили свои пули. И если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что через десять лет я буду жить в Барселоне, и спокойно бродить по улицам в полночь, и смотреть, задрвав голову, на звезды, глядящие с черного южного неба в колодцы улиц Готического Квартала, и хлопать по спине человека, с которым только что познакомился в баре, и разговаривать с ним об игре «Реала», я бы засмеялся. У меня была тогда только одна программа-минимум – выжить.

Я выжил. Я научился выживать. И это оказалось совсем не бесполезным умением.

Да, снова о девушках. Конечно, у меня были девчонки там, в России. Смешно думать, что у меня не было девушек, если мне уже двадцать восемь. Пожалуй, дело с этим там обстояло даже лучше, чем здесь. Там было все ясно, не было языкового барьера. И пройдя по обычной улице, за один час можно было увидеть больше красивых девчонок, чем здесь за неделю. У меня всегда были девушки. Иногда я даже жил с какими-то из них, если у них было где жить. Я жил с кем-то, и просыпался с кем-то в одной постели, и вяло жевал завтрак, и возвращался вечером «домой» и смотрел телевизор, и о чем-то говорил, и даже ужинал с какими-то людьми, вдруг ставшими нашими общими гостями. Я мог жить так неделями, и даже месяцами, а один раз – полгода. Но все равно я уходил.

Один раз я чуть не женился. Опомился только тогда, когда обнаружил, что уже назначен день регистрации, и какой-то красномордый пузатый дядька называет меня «зятюшкой», и подливает мне в стакан самогон. Я позорно сбежал тогда. Я даже был немного испуган.

Кем я был? Зомби? Почему я жил так, что порою не мог вспомнить, что происходило со мной в последний месяц? Я не употреблял наркотиков. Я достаточно попробовал на Кавказе всей этой дряни – и плана, и гашиша, и мака, чтоб сделать вывод, что мне это не подходит. Пил? Тоже не слишком много. Если угощали – вливал в себя всякие жидкости, но никогда не пьянел настолько, насколько хотелось бы. Если нечего было выпить – не вспоминал об этом.

Что со мной было? Порою я ощущал себя полным дебилом. Я говорил себе, что надо прекращать это растительное существование. Иногда пытался убедить себя, что собираюсь поступить в институт, но убежденность в этом была настолько слаба, что я и сам в нее не верил. Я жил, и дышал, и ходил по улицам, и ел, и трахался, и даже где-то работал. Я был вполне приличным человеком. Один раз меня сфотографировали на Доску Почета. Но я никак не мог проснуться.

Говорят, я красивый. У меня правильные черты лица – средневропейские, не совсем русские и не совсем испанские. Глаза темно-зеленые. Густые темные волосы – без залысин, проплешин и прочих маленьких мужских радостей, которые уже начинают появляться у моих ровесников. Хорошие волосы, которые выглядят замечательно безо всяких там Провитов и Хэдэндшоулдерсов. Но, если вы сбросите эти волосы, или хотя бы проведете рукой по моей голове, то обнаружите мягкую вмятину на левой стороне. Достаточно большую вмятину, противно проминающуюся под пальцами. По-медицински, кажется, это называется дефект теменной кости – дырка, затянутая только кожей, последствия трепанации черепа.

Я все-таки поймал тогда свою пулю. Хорошо поймал. В смысле, остался жив. Пройди пуля чуток пониже, и меня не спасло бы уже ничто.

Впрочем, мне и так хватило: две операции и пять месяцев в госпитале. И пять лет полурастительного существования.

Я был абсолютно здоров. Был здоров не на сто – на триста процентов. Если до армии я был дохляком, то теперь мог жонглировать пудовыми гириями, хотя с виду оставался таким же худощавым. Я не был больным, мне просто не хотелось думать.

Я был, как куколка бабочки, которая висит в заброшенном сортире, прицепившись хвостом к растрескавшемуся потолку. Все думали, что я – тупой из-за последствий черепно-мозговой травмы. А со мной просто происходили метаморфозы. Я медленно превращался во что-то, и сам о том не знал.

А что тут такого? Большинство людей так и живет – не думая, куда они идут и идут ли куда-то вообще. Они отживают свой срок, размножаются и умирают. Сейчас то мое существование кажется мне странным. Тогда это было нормально.

Я даже получил профессию. Дело было так: я познакомился на улице с одной девочкой – красивой, конечно. Я всегда знакомился только с красивыми девочками. Поскольку десятиминутные переговоры о том, чтобы лечь с ней в постель, почему-то не увенчались немедленным успехом, я поплелся провожать ее до места учебы. Я не помню, переспал ли я с ней. Скорее всего, переспал. Зато я помню другое: место, где она училась, называлась «Студия циркового жонглирования». И через два дня я уже был студентом этой студии.

Так или иначе, это была единственная профессия, которую я получил – если не считать всяких там профессий кочегара, кровельщика, бульдозериста, грузчика на хлебозаводе, кладбищенского сторожа и прочих. Этим мне приходилось заниматься, но никто не выдавал мне корочек, что, мол, Гомесом Михаилом Ивановичем успешно освоена профессия приемщика стеклотары со сдачей экзамена и оценкой «удовлетворительно». И когда я пересек границу Испании, единственным документом, свидетельствующим о том, что я имею какую-то профессию, была бумажка об окончании Студии циркового жонглирования. Безо всякой оценки.

Я думаю, если бы я получил оценку, то она была бы самой высокой. Когда я пришел в студию, ребята, большинство из которых были моложе меня лет на десять, занимались уже два месяца. Я стоял и смотрел, как разноцветные шарики мелькают в воздухе, как шарики падают

на пол и пытаются удрать от своих неловких хозяев, и тут меня что-то пробило. Я подошел к тренеру и сказал: «Хочу у вас учиться».

На меня посмотрели, как на идиота. Но мне было плевать на это, я уже привык к тому, что на меня смотрят, как на красивого идиота. Я действительно хотел учиться. И через месяц я жонглировал в десять раз лучше любого из этих пацанов. А через четыре месяца, к моменту окончания курса, лучше самого учителя.

Меня звали учиться дальше, говорили, что с моими данными мне нужно быть профессионалом. Мне гарантировали поступление в эстрадно-цирковое училище. Но я просто забрал свою бумажку и ушел. Я не хотел выступать в цирке. Я устроился работать санитаром в морг. Мне было все равно.

Иногда я выступал. Мой учитель вытаскивал меня на сцену, когда нужно было заменить его партнера. Он сдирал с меня грязный халат, провонявший мертвечиной, и надевал на меня накрахмаленную рубашку и эстрадный смокинг. Мы выступали во всяких ночных клубах, казино, дорогих ресторанах, и навороченная публика отбивала ладони и орала от восторга, глядя на то, что мы вытворяли. Мы жонглировали шарами, булавами, горящими факелами, включенными телевизорами, голыми девочками... Тренер отдавал мне деньги пачками, я приносил их домой и флегматично кидал в тумбочку. Я забывал об этих деньгах на следующий день. Я втискивался в автобус и ехал в свой морг, чтобы снова ворочать трупы и бездумно смотреть в кафельную стену, сидя на грязной каталке.

Мой учитель был хорошим человеком. Он был добрым. Как его звали? Не помню... Кажется, я тоже хорошо к нему относился – несмотря на то, что он был голубым. Ни о каких приставаниях с его стороны, разумеется, речи быть не могло. Я всегда имел нормальную ориентацию, а у него было достаточно денег, чтобы общаться с себе подобными. Мне все это было до лампочки.

Но однажды я проснулся. Проснулся, когда обнаружил, что отца нет дома. Я жил тогда с родителями. Я уже говорил, что иногда я уходил, и жил с кем-то, но потом всегда возвращался туда, в двухкомнатную квартирку, где я вырос. Меня принимали безропотно. Мама любила меня. Она беспокоилась обо мне, о своем непутевом тупом сыне, таскала меня по врачам – специалистам по мозгам и прочим внутренним органам. Она пыталась меня вылечить. Я проходил обследование, сдавал кровь и мочу, ко мне подключали разноцветные проводки и смотрели, как у меня внутри все устроено и как все работает. Работало все замечательно. Я вяло заполнял бесконечные листы тестов – психологических, интеллектуальных и прочих. Результаты были обескураживающими: по умственному развитию я превосходил выпускника МГУ, психологически был устойчив, как бетонный столб, по скорости физической реакции мог претендовать на профессию наемного убийцы. Профессора чесали в седых затылках, потому что невооруженным взглядом было видно, что я туп и ленив. Я спал на ходу, мне было все по хрену, я забывал, что ел вчера на ужин. И все же был почти идеален, если не считать дырки в голове.

Отца я почти не замечал. В последние годы он все время лежал в больницах. Повезло моей маме, нечего сказать... Двое мужиков – и оба больные, каждый по-своему. Отец харкал кровью. Его обследовали, но не находили ничего – ни туберкулеза, ни рака легких. «У вас бронхит, – говорили врачи, – бросайте курить». Отец не курил никогда. «Вам показана смена климата». Отец проводил в санатории по три месяца каждый год, я давал ему денег на это. Но все равно он харкал кровью. В нашем доме всегда пахло лекарствами.

– Где отец? – спросил я тогда. – Что-то я давно его не видел. Папа в больнице? Навестить его?

– Он уехал, – сказала мама.

– Куда?

– В Испанию. – Мама смотрела на меня с жалостью и привычным страданием – так смотрят на неизлечимо больного ребенка. – Ты опять все забыл, Миша? В последние месяцы только

и было разговоров об этом. Неделю назад мы с тобой отвезли его в аэропорт. Сейчас он у дяди Энрико в Жироне. Он звонил, у него все хорошо.

– В Испании... – Я потер лоб, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли. Я вдруг вспомнил, что я – наполовину испанец. – Это что, навсегда?

– Не знаю... – Мама грустно вздохнула. – Я не знаю, Миша. В последнее время у него было улучшение. Может быть, он поправится? Тогда он заберет тебя к себе. Он всегда говорил, что, как только освоится там, в Испании, то вызовет тебя. Ты ведь даже за границей никогда не был.

– Был. В Карабахе, – неожиданно вспомнил я. – Слушай, мам, а как же ты? Если я уеду, ты что, одна здесь останешься?

– Не знаю... – Мама устало опустилась на диван. – Я уже ничего не знаю, Миша. Иногда мне хочется жить так, как живешь ты – не помнить о прошлом и не думать о будущем. Но я так не умею. Не умею...

В тот день меня стошнило. Вырвало на работе, прямо на труп с огрызком головы и развороченным животом, доставленный к нам труповозкой откуда-то из пригородного лесочка. Неизвестно, сколько времени этот бывший человек валялся там в ожидании транспортного средства, но испортиться он успел изрядно. Впервые я осознал, что то, что я вижу, отвратительно. И мой организм моментально среагировал на это.

– Ты чо, Михась? – удивленно вытаращился на меня мой коллега, санитар под названием Вася. – Съел чего, Михась? Или с бодуна?

Я не мог ответить. Потому что мой желудок отвечал за меня. Я не мог разогнуться. Я пулей вылетел из морга и два часа сидел на скамейке. Приходил в себя.

В морг я больше не вернулся – почему-то решил, что мне там не место. Успею еще там побывать – когда привезут.

Я вдруг вспомнил, что когда-то мне хорошо давались иностранные языки. Я принялся за английский. Мама говорила, что я трачу время впустую, что мне нужно сразу учить испанский. Но, думаю, она была страшно рада. Никогда я не видел ее такой счастливой. Ее сын неожиданно начал становиться человеком. Мама порхала вокруг меня. Она выписывала все объявления о курсах иностранных языков, покупала мне учебники тоннами, хотя все это мне было совершенно не нужно. Я просто валялся на диване, пил пиво и читал книжку про хоббита.

«There and back again» – «Туда и обратно». Детская книжонка Толкина на английском языке – адаптированный текст, для тех, кто только начинает. Она попала мне на глаза на отцовской полке. Мама сказала мне, что я сам купил ее, еще до армии. Я открыл книгу на первой странице и начал читать. Первое же слово оказалось мне незнакомо, пришлось лезть в словарь. А потом – за вторым словом, за третьим, за четвертым...

Я читал эту книжонку два месяца. Я выучил ее наизусть. Я начал думать по-английски. Но еще не мог произнести ни слова вслух.

Я купил магнитофонную кассету и плеер. Когда я ехал в автобусе, то повторял вполголоса английские слова и все оглядывались на меня. Я не обращал внимания ни на кого.

Иногда отец писал письма. Иногда звонил. Голос у него был глухой. Подолгу говорить он не мог, заходил в кашле. Сообщал, что у него все хорошо. Но в это не верилось.

Он умер через год после того, как уехал. И я поехал на его похороны – в Испанию, вместе с мамой.

Отец родился в Испании, и умер в Испании. Но вырос он в Советском Союзе. Вся жизнь его прошла здесь. По-испански он знал не больше двух десятков слов. И вы еще спрашиваете, почему я называю его *гипотетическим* испанцем?

К этому времени я уже сносно изъяснялся по-английски – гораздо лучше, чем большинство испанцев, которых мне довелось встретить. И я начал учить испанский.

Мы были там недолго. Я хорошо помню кладбище – желтую скалу с выбитыми нишами для урн с прахом, бесконечными табличками и католическими крестами – миниатюрными по сравнению с основательными православными. Здесь слишком мало места, чтобы отводить покойнику апартаменты в полный рост, да еще и с оградой, и со скамеечкой, и с запасным местом для подселения тех, кто загнется позже. Дырка в стене – экономия места и средств. Если я умру здесь, то меня похоронят так же. Я не против. Мне будет уже все равно.

Все, что осталось от моего отца – это красивая коробочка с пеплом. И надпись: «Q.E.P.D. JUAN GOMEZ»⁷

Там я впервые увидел своих заграничных родственников. И впервые услышал живой испанский язык.

Мама чувствовала себя очень неудобно – как на чужой планете. Она не понимала, что происходит. Отца больше не было. Погода была отвратительной. Шел бесконечный мартовский дождь, дул холодный ветер. Какие-то люди подходили к маме, брали ее за руку, говорили какие-то слова. Все они были старыми унылыми людьми, одетыми в некрасивую черную одежду. Над головой они держали черные зонтики. Я приблизительно понимал, что они говорили. Мама не понимала ничего, она отвечала невпопад. Даже до неприличия невпопад. Я научил ее несколькими испанскими фразами, но она все время говорила «De nada»⁸ вместо «Muchas gracias»⁹. Так вообще-то не принято отвечать на сочувствия о покойном. Но люди только снисходительно качали головами. Они улыбались моей маме, но это были улыбки египетских мумий. Я чувствовал пренебрежительное отношение к ней. Я слышал фразы вполголоса: «...Es la viuda de nuestro pobre Juan...»¹⁰ И сразу было ясно, что бедный Хуан потому и был несчастен, потому что женился на этой русской, вместо того чтобы найти себе достойную испанскую девушку-католичку.

Можно подумать, что в те годы, когда женился мой папаня, испанские девушки набожного поведения рядами стояли в СССР вдоль дорог, и размахивали флажками с надписями «Casase conmigo, por Dios!»¹¹

Я думаю, что тогда мама и решила, что никуда не поедет, останется в России. Хотя все, как один, говорили ей, что надо уезжать из этой ужасной России, где, как они слышали, нечего есть и невероятная преступность. Ей обещали помочь устроиться здесь, в Испании. И я думаю, они не врали. Они хотели сделать ей добро. Они жаждали заполучить ее душу в свои руки.

Но мама умирала от желания вернуться скорее в свою родную ужасную Россию. Ее не радовало ничто – ни магазины, ни архитектура древних городов, ни мрачное мартовское море, ни даже подарки, которыми нас завалили.

Она вернулась домой и была совершенно права. Мои испанские католики свели бы ее в могилу так же быстро, как и отца.

Со мной они не справились. Со мной сам Дьявол не справился, куда уж там каким-то старым тетям и дядям.

А мне Испания понравилась. Я все-таки увидел настоящую Испанию, несмотря на бесконечные похороны и бесконечный дождь.

– Дорогой мальчик, – сказал мне однажды вечером дядя Энрико. Он сидел в кресле и держал меня за руку, кисть его была покрыта желтой пергаментной кожей в коричневых старческих пятнах. – Ты можешь приехать в Испанию. Можешь жить здесь, даже получить гражданство. Я помогу тебе в этом. Твой покойный двоюродный дед Освальдо Эскобар Гомес много

---

⁷ Сокращенно «Que En Paz Descanses» – «Да упокоится с миром» (исп.).

⁸ Не за что (исп.).

⁹ Большое спасибо (исп.).

¹⁰ Это вдова нашего несчастного Хуана (исп.).

¹¹ Женитесь на мне, ради Бога! (исп.).

сделал для этой страны. К тебе отнесутся благосклонно. Ты можешь написать в документах, что ты испанец и католик?

– Там и так написано, что я испанец и католик, дядя Энрико, – ответил я. Я боялся дышать, чтобы не спугнуть удачу. В тот момент я был готов быть евреем и мусульманином одновременно, лишь бы не сорвалось.

– Ты можешь жить в нашем доме, пока не определишься. Ты знаешь, мы с тетей Кларитой одиноки... Бог не дал нам детей.

Я качал головой, и благодарил, и говорил на ломаном испанском языке о том, что все в руке божьей. Пожалуй, я даже не слишком лицемерил. Я вдруг резко ощутил свою испанскую половинку. В первый раз. И мне не хотелось терять ее снова.

Пожалуй, судьбу мою решил даже не дядя Энрико. Ее решил один из моих хрен-знает-скольки-юродных испанских братьев. Зовут его Эмилио.

Он старше меня всего лет на пять. Он был самым молодым из родни, присутствующей на похоронах, и, конечно, сразу мне понравился. Такой невысокий, на полголовы ниже меня, худощавый, черненький. В модерновом пиджачке – то ли от Армани, то ли из секонд-хэнд – понять трудно по причине помятости. Лицо красивое, типичное испанское. Интеллигентное лицо. Очки в тонкой металлической оправе. Иногда Эмилио носит контактные линзы, но обычно недолго – он теряет их или портит по пьянке.

Эмилио оказался своим в доску. Он вырос в другой стране, он ходил в другую школу и лепетал свои первые слова на другом языке. Но мне казалось, что мы выросли с ним на одной улице – настолько мы хорошо понимали друг друга. Я знаю много иностранцев. Да что там говорить, все люди, которые меня сейчас окружают – иностранцы по отношению ко мне. Но никогда я не встречал иностранца, который был бы так похож на меня самого, как Эмилио.

Вот что значит родная кровь. Хотя она и проявилась в несколько неожиданном для благопочтенного семейства Гомес варианте.

Эмилио выглядит вполне благопристойно. Иногда ему удается выглядеть даже респектабельно. И человеку со стороны трудно предположить, что прячется под этой хрупкой интеллигентной оболочкой.

Эмилио – йосо. Или, как он предпочитает выражаться по-английски, crazy¹².

Он – крейзи с точки зрения Гомесов. Но, с моей точки зрения, это самый нормальный человек во всей Испании. У него есть только одна ненормальная черта – он любит Doors. До умопрачения.

Нет, конечно, Дорс – группа неплохая. Я тоже ее ценю, в идеологическом плане – Джим Моррисон и все такое. Но, честно говоря, музыка у нее нудноватая. Крутые тексты – это, конечно, хорошо. Но я люблю, когда еще и мелодия есть, и драйв повеселее. Вот Deer Purple – это по мне. К тому же, сколько можно слушать один и тот же концерт? Мы прокрутили «Light my fire»¹³, наверное, раз сто, пока колесили с Эмилио по Испании на его тачке. Но так во мне ничего и не зажглось.

Это был последний вечер моего первого двухнедельного визита в Испанию. Мы с Эмилио удрали ото всех, чтобы потрепаться и оттянуться на полную катушку. Мы завалились в бар «Кукарача». Бар был грязным и неприличным – вполне соответствовал своему названию. Даже на красном сукне бильярдного стола было огромное грязное пятно – то ли от виски, то ли от мочи, черт его разберет. Зато там было весело, в этом баре. Сидеть там было негде, и все стояли, дрыгались под грохочущий ритм-энд-блюз. Народу там было, как сельдей в бочке – хиппи, водители грузовиков, веселые девчонки со своими мачос, а также люди неопределенного пола и неопределенного занятия. Все эти люди знали друг друга, лакали вино и пиво, орали что-то

---

¹² Сумасшедший (англ.).

¹³ "Зажги мой огонь (англ.) – название знаменитой песни рок-группы «Doors».

друг другу, перекрикивая музыку, и хлопали друг друга по плечам. Слово «cabron»¹⁴ там было обычным обращением к любому человеку, даже незнакомому.

Я слегка оглох с непривычки, но Эмилио тащился на всю катушку. Он уже стрельнул у кого-то «косяк» с марихуаной, бесплатный по случаю чьего-то дня рождения, выкурил его весь, обжигая пальцы на последних драгоценных затяжках, и сейчас наслаждался жизнью as it is¹⁵.

– Мигель, – протрубил он мне в ухо. – Не думай слишком много! Все равно не придумаешь ничего лучше того, что тебе предлагают. Соглашайся!

– Я боюсь! – проорал я.

– Чего?

– Они ведь затрахают меня, эти дядюшка Энрико со своей женой! Сорвусь я, наделаю каких-нибудь глупостей! И все полетит к чертям!

– Ну ты и осел! – Эмилио постучал пальцем по лбу. – Конечно, они тебя достанут, в любом случае. Ну и что? Жизнь так устроена – всегда найдется кто-нибудь, кто захочет тебя достать. По крайней мере, делай это с пользой для себя. Они получают свое маленькое удовольствие, насилуя тебя с пыхтением. Ты получишь свою большую прибыль – останешься в Испании! Это своего рода бизнес. Посмотри на меня, Мигель! Ты думаешь, меня никто не трахает? Еще как трахает! И ничего, живой.

Эмилио и в самом деле – пример того, как можно неплохо преуспевать, оставаясь крейзи. Между прочим, он весьма обеспеченный человек. По моим меркам – просто богатый. Он работает агентом по недвижимости, продает коттеджи на Средиземном Море – те самые, которые вы, наверное, не раз видели на рекламных проспектах. Но Эмилио позволяет себе быть крейзи в строго отведенное время суток. В восемь вечера он приходит домой, за десять минут готовит себе ужин из полуфабрикатов под музыку, орущую на полную громкость из колонок величественной в человеческий рост. Еще за пять минут он проглатывает этот ужин, запивая его двумя банками пива. А потом падает, не снимая ботинок, на диван, и дрыхнет мертвым сном час, под ту же самую грохочущую музыку. Через час Эмилио просыпается, более или менее свежий, и прыгает в свою «Ауди-купе» двенадцатилетней давности, которую он разбивал по пьянке раз сто, и раз сто ремонтировал, хотя давно мог купить себе новую машину. Мне кажется, эта машина – такая же сдвинутая по фазе, как и ее хозяин. Когда я ездил в ней с Эмилио, я всегда вспоминал анекдот: «Полисмен: Мистер, вы превысили скорость! Водитель: Что, я быстро ехал? Полисмен: Нет, вы медленно летели!»

Я не раз летал на этой машине с Эмилио. По сравнению с «Боингом» это действительно было медленно. Но, наверное, там на сиденье до сих пор остались вмятины от моих пальцев. Мне почему-то ужасно хотелось жить в тот момент, когда Эмилио мчался ночью вниз по горному серпантину, забыв о существовании тормозов, и обеими руками изображал гитариста Джимми Пэйджа в такт музыке, грохочущей из динамиков.

Да... Ну, значит, Эмилио прыгает в свою тачку и медленно летит по направлению к какому-нибудь бару. Там он совершает первый раунд¹⁶ и заодно мучительно решает задачу, с кем ему провести эту ночь. В конце концов он останавливает выбор на какой-нибудь из своих подружек. Вместе с ней и подвернувшимися под горячую руку друзьями он переключивается в следующий бар, где совершается раунд под номером два. И так продолжается до тех пор, пока кто-нибудь не заявляет: «Хочу жрать». Тогда они всей толпой направляются в ресторан и ужинают. Происходит это часов в одиннадцать ночи...

Домой Эмилио возвращается в час-два ночи – один или с кем-нибудь, в зависимости от наличия оставшихся сил.

---

¹⁴ Козел (исп.).

¹⁵ Такой, какая она есть (англ.).

¹⁶ Имеется в виду распитие одной порции спиртных напитков в баре.

Утром он просыпается в семь часов, выпивает чашку крепчайшего кофе, съедает маленький бутерброд с сыром и отправляется на работу – в соседний городок.

Между прочим, он – классный специалист в своей области, мой Эмилио. Его посылают к самым капризным клиентам. В том числе и русским.

Был я один раз на встрече с русскими клиентами. Эмилио попросил меня помочь в качестве переводчика. Потому что в этом многочисленном новорусском семействе не было ни одного человека, который бы разговаривал на чужом, не новорусском языке. А переводчика нанимать они не хотели, сэкономили. Они считали, что они – бедные. Правда, дом, который они построили, был раза в два больше, чем соседние дома всяких там англичашек и америкашек. И участок был в два раза больше, хотя для этого пришлось скопать бульдозером половину горы. Обошлось это в половину стоимости самого дома. Зато теперь теща хозяина семьи собиралась сажать там, на участке, огурцы, помидоры и картошку. Она собиралась таким образом экономить!!! *Put a madre!*¹⁷

А чего это я возмущаюсь? Какое мое дело, в конце концов? Эта Марьпетровна всю жизнь занималась тем, что копалась в огороде в своей деревне Володоевке. А теперь ее, можно сказать, насильственно вывезли в чужую страну – внуков-оболтусов нянчить. Ну чем ей тут еще заниматься? Пальмы разводить? В супермаркет ходить два раза в неделю? На пляже валяться *topless*¹⁸? Тоска ей здесь, да и только. Единственная радость – родные грядочки с картошкой. Картошка, кстати, в каменистой и бесплодной на вид испанской земле дает по два урожая в год. Только собирай да в погреб на зиму ложь. Если кто ее есть будет.

Эти люди упорно «экономили» в собственной манере – жали каждую копейку там, где нужно было вложиться, и теряли тысячи баксов там, где можно было этого не делать. Они предпочитали обходиться без переводчика. Они тупо объяснялись со всеми, с кем им приходилось иметь дело, при помощи жестов, подходящих для глухонемых. Все свои дела они делали в России, а в Испанию наезжали два раза в год, вываливая на бедного агента сразу ворох проблем. И когда Эмилио окончательно изнемог от их непереводаемых попыток выяснить, что означает та или иная строка в огромном счете, который они должны были оплачивать, он пригласил меня.

Если вы думаете, что я был шокирован, вы ошибаетесь. Я видел таких людей всю свою жизнь. Только раньше они зарабатывали свои шальные бабки в России, и там же их тратили, стоили трехэтажные гаражи для дружеских посиделок. А теперь появилась возможность выйти на новый уровень, кинуть баксы в другую страну, в недвижимость. А что в этом плохого? Я – не против. Испанцы на этом неплохо зарабатывают. Очень неплохо. России, правда, при этом остается кукиш с маслом. Да только так всегда было, всегда ей этот кукиш оставался. В России так легко украсть. А вот в Испании – намного сложнее.

Как раз это и было камнем преткновения в наших разговорах. Эти люди никак не могли понять, что все, что они здесь делают, находится под контролем – все их деньги в банке, все покупки и выплаты. Что нельзя «сэкономить» на машине кирпича, украв ее у соседа на стройке. Что нужно платить налог на недвижимость, даже если дом еще недостроен. Что набегают проценты. И так далее.

Ор стоял – будь здоров. Почему-то и хозяин, и жена его – красивая, ухоженная женщина, набросились именно на меня, как на козла отпущения. Как будто я был виноват во всех их проблемах. Даже бабуля подавала голос откуда-то с кухни, вякала что-то с рязанским акцентом. Понятно, ей виднее.

Между прочим, с немцами еще сложнее. Когда хозяйка дома протянула Эмилио список недоделок при строительстве, готовясь сражаться за каждый пункт, он схватился за голову и захохотал. Он сказал: «Как я люблю вас, русские женщины!» И в ответ на недоуменные взгляды

---

¹⁷ Испанское ругательство. Довольно неприличное.

¹⁸ Голой по пояс (англ.).

хозяев достал из своего кейса список дефектов, которые выставил ему один из немецких клиентов. В этом списке было двести шестьдесят три пункта! Там, например, было такое: «На кухне шестая плитка в третьем ряду снизу на стене сдвинута по отношению к соседней плитке на три миллиметра». Или: «Телевизор в гостиной имеет облицовку из черной пластмассы, что не соответствует общей тональности окраски соседствующего с телевизором окна». И прочий маразм.

Мой Эмилио – преуспевающий агент, он умеет решать такие проблемы. Хотя он крэйзи, он может придти на работу в оранжевой рубашке, синем пиджаке, лаковых туфлях и слегка рваных джинсах. Зато он меняет рубашки каждый день.

Не надо думать, что Эмилио притворяется, что он ведет двойную жизнь. Просто это естественно для него, так же как и для большинства испанцев. На работе он никогда не говорит об отдыхе. А когда он заканчивает рабочий день, он забывает о работе напрочь. Он живет так, как он хочет жить.

И я сделал свои выводы. Я приехал в Испанию. Я дисциплинированно жил у дяди Энрико три месяца, и даже не сорвался, и не задушил тетю Клариту, когда она в очередной раз напоминала мне о том, что нужно помолиться перед ужином. Я оказался достаточно приспособляемым. Потому что моя свобода ждала меня впереди.

2

Я снова вспоминаю тот день. День, когда все это произошло. «День Дьявола» – так я буду называть его, чтобы вы не запутались. *El día del diablo*. Потому что я буду описывать много и других дней: «День, когда я встретил Девушку», «День, когда я устроился на работу в Парк Чудес». И так далее.

Итак, начало Дня Дьявола. Будильник зазвенел и я хлопнул по нему рукой. Он обиженно заткнулся.

Мой будильник всегда спешит, минут на пятнадцать за день. Но я нарочно не поправляю его. Мне нравится, что у меня есть пятнадцать лишних минут, чтобы просто поваляться в постели, вспомнить в полудреме что-нибудь хорошее.

Я валялся в постели и вспоминал эту девчонку. Это было действительно то, что стоит вспомнить утром. Хотя...

Хорошо бы, думал я тогда, она бы оказалась в постели здесь, рядом со мной, прямо сейчас. Мне кажется, она не отказалась бы. Что-то было тогда в ее глазах. Желание, вот что было. А я даже не узнал, как ее зовут.

Когда я увидел ее, я стоял на улице. Я, между прочим, большую часть своей жизни проводил тогда на улице. У меня не было еще никакой работы, и поэтому я зарабатывал на жизнь тем единственным, что умею делать хорошо. Я жонглировал.

Здесь полно таких, как я. Слава Богу, Испания – страна туристов. Много здесь туристов, в том числе и богатых – англичан, американцев, немцев, японцев, норвежцев. Русских. Почему бы не кинуть пару песет человеку, который сыграет тебе на гитаре и споет песенку?

Здесь многие зарабатывают подобным образом. Полиция, конечно, теоретически этого не одобряет, но смотрит сквозь пальцы. По сравнению с нашими ментами здешние служители закона – добрые и вежливые, как Санта Клаусы. Хотя и называют их здесь *los cabrones*¹⁹. Но какой же это козел, если, обнаружив тебя работающим в неподобающем месте, он не хватает тебя за шиворот и не тащит немедленно в кутузку. Он даже не вымогает с тебя денег! Он просто подходит и говорит: «Сеньор, если хотите выступать здесь со своим номером, вы обязаны зарегистрироваться в муниципалитете и заплатить налог. Я даю вам на это два дня». Ты кива-

---

¹⁹ Козлы (исп.).

ешь головой и говоришь: «Конечно, сеньор! Премного благодарен, сеньор!» Ты знаешь, что два дня у тебя в запасе. Через два дня ты перебираешься на новое место, в трех кварталах отсюда.

В Барселоне есть улица, где можно выступать безо всяких проблем. И это самая лучшая улица города. Самая красивая, самая шумная. Центральная часть ее – пешеходная, как московский Арбат. Здесь ходят толпы народа, продираются между торговцами книгами и птицами, фотографируются, смеются и разговаривают на всех языках мира, сидят на скамеечках, едят мороженое, пьют всякие напитки, слушают музыку и наслаждаются жизнью.

Музыкантов на этой улице – пруд пруди. Одна вот только проблема – для того, чтобы проходящий мимо человек остановился и кинул монету в коробку, которая стоит у твоих ног, нужно его чем-нибудь удивить. Иначе проработаешь весь день вхолостую.

Больше всех денег зарабатывают «живые статуи». Я и сам поработал один раз таковой, заменял заболевшего «Колумба». Сосед по квартире подкинул мне такую работенку. Представляете: приходишь в студию, там тебе мажут руки и физиономию краской стального цвета, напяливают на тебя одежду точно такого оттенка, дают в руки картонную коробку и небольшой фанерный пьедестал, и – вперед! Коробку ставишь под ноги, на ней написано: «FOTO, VIDEO = PESETAS»²⁰. Такая вот математическая формула. Доходчиво для любого. Ты залезаешь на пьедестал. Отныне ты – статуя, и шевелиться тебе не положено.

Впрочем, в шевелении – весь кайф, нужно только знать, когда это сделать. И уметь это делать. Изящно сменить позу, чтобы дети вокруг заорали: «Смотри! Памятник ожил!», а взрослые смущенно отвели глаза, чтобы не захохотать, не взвыть от того детского восторга, который как-то неуместно показывать друг другу.

У меня это получалось хорошо. Когда мимо пробежал какой-нибудь пузатенький пацан, таращась так, словно видит инопланетянина, я потихонечку подмигивал ему. Обычно детей это срубает, как шашкой на скаку. Если он не падает на землю, то обязательно бежит к родителям. «Папа! Мама! Я хочу сфотографироваться с дядей памятником!!!» В этот момент я меняю позу, по пути делая жест, который означает, что я от души приглашаю сфотографироваться этого карапуза, а заодно и всех его друзей и родственников, и при этом взглядом тактично напоминаю о том, что неплохо бы опустить денежку в мою картонную коробку. Мол, статуям тоже есть надо.

Заработал я тогда неплохо. Но через четыре часа стояния спина у меня уже отваливалась, руки-ноги стали чугунными. Единственная поза, которую мне хотелось принять, это «Колумб, лежащий в гробу горизонтально». Не помню, как я доплюхал до дома.

Нет, не по мне это. Вот жонглирование – это самое то! Это веселое занятие. Они живые – мои мячики. А кастаньеты – тем более живые. Они подпевают мне. Я придумал это сам – жонглировать кастаньетами. При этом я умудряюсь выстукивать ими ритм, довольно сложный. Разноцветные кастаньеты мелькают со всех сторон от меня – спереди, сверху и даже сзади. И выстукивают самбу своими четкими забавными голосками. И если вы не перестали при этом жевать свой гамбургер, значит, у вас нет слуха.

Я могу жонглировать чем угодно, хоть мороженой камбалой. Но это вряд ли понравится зрителям. Мороженая камбала, правда, воняет не так сильно, как жареная. Но все равно пахнет. Это слишком сильные ощущения.

Главное в моей работе – быть экзотичным. И у меня это получается. В национальном испанском костюме, в зеленом камзоле с золотым шитьем и белых штанах я смотрюсь, как тореро. Я полон огня. Я – ритм, я – движение. Я – страсть, против которой трудно устоять. И, когда я смотрю в глаза женщинам, смотрю в глаза северным сдержанным немкам, англичанкам и норвежкам, их сердца начинают оттаивать. Я чувствую это. Это не стриптиз, конечно, но

---

²⁰ Peseta – денежная единица Испании.

это призыв, sex appeal²¹. И часто я вижу, как в глазах их раскормленных спутников появляется ревность, желание съездить мне по морде.

Мне это нравится. Я люблю будить людей.

3

В тот день я жонглировал бандерильями. В тот исторический отрезок времени, который отныне называется «День, когда я встретил Девушку».

Бандерильи – это такие пики, длиной в полметра каждая. Красивые пики, обвязанные желтой и красной мохнатой тесьмой. У них острые стальные наконечники. Бандерильи втыкают в холку быку на корриде, чтобы сильнее разозлить его и выпустить из него излишек крови. Хороший взрослый бык, не какой-нибудь там beserro или novillo²², – это свирепое чудовище. Но меткий удар парой бандерильей останавливает его, когда он несется на пацана-бандерильеро во весь опор. Удар должен остановить быка. Иногда бандерильеро промахивается и зарабатывает себе отличный шанс отправиться на тот свет. Что ж поделать... Чтобы дожить до alternativa²³, нужно немало потанцевать перед разъяренной мордой смерти весом в полтонны. Смерти, которая называется бык миурской породы.

Мои быки – это зрители. Не у всех из них есть хвосты и копыта, хотя у многих есть роскошные рога. Я должен раззадорить их, разбудить их, вывести из себя. Они не начнут кидаться на меня – это не принято. Так пусть хотя бы кидают монетки в мою коробку. Платят мне за то, что я остался живым.

Когда я работаю с бандерильями, то выступаю на грани дозволенного. Со стороны вообще невозможно понять, как это мне удается – жонглировать одновременно восемью пиками, да так, что не меньше четырех одновременно находится в воздухе, подкидывать их плечами и спиной, ловить ногами и запускать обратно в голубое испанское небо. Зрители мои взвизгивают, когда бандерилья летит убийственно острым концом сверху ко мне в рот, и орут от ужаса, когда в последнюю долю секунду я успеваю схватить наконечник зубами. Они уверены, что чертова пика должна с размаху пробуровать мои кишки до самой задницы. Честно говоря, я тоже не уверен, что когда-нибудь этого не случится. Ошибки у всех бывают. Но пока я жив, как видите. Пока.

Я слишком много видел в своей жизни смерти, чтобы бояться ее. Я привык к ней. Я умру тогда, когда наступит время, записанное в Золотой Книге Небес. Надеюсь, я приму смерть не от бандерильи – это было бы слишком тупо.

Итак, в тот самый день – «День, когда я встретил Девушку», я работал с бандерильями. Из колонок, установленных на моем мотороллере, играла музыка. Фламенко. Мне в принципе все равно, но лучше, когда выступаешь под музыку. Это производит хорошее впечатление. До этого два месяца я работал вместе с парочкой, которая аккомпанировала мне. Ее звали Жанин, иногда она играла на саксофоне, но чаще трясла баночкой из-под Пепси-Колы, в которой гремели горошины. Его звали Анри, он играл на гитаре и пел.

Они были французами. Приехали на лето подработать в Испанию. Собственно говоря, из-за того, что они были французами, мне и пришлось послать их подальше.

Анри играл на гитаре довольно прилично, даже с джазовыми аккордами, но пел только на французском языке. Причем так, как делают это французы – гнусаво и негромко, себе под нос, о чем-то своем, одному ему понятном. Может быть, у них там, во Франции, все тащатся

---

²¹ Сексуальный призыв (англ.).

²² Бесерро – бычки моложе двух лет, новильо – быки от двух до четырех лет. На них отрабатывают умение ученики тореадоров.

²³ Посвящение в матадоры.

от такого пения. У них это называется «шансон». Но меня от такого шансона тошнило. И моих зрителей, по-моему, тоже.

Я люблю французов больше, чем немцев. Но лучше бы Анри пел по-немецки, залудил бы какой-нибудь тирольский йодль с переливами. Это восприняли бы лучше, чем французское бормотание.

Когда же Жанин брала свой сакс, и начинала в него дуть, вообще наступала труба. Я, конечно, понимаю, что девушка с саксофоном – это эротично. Она облизывает губы, перед тем, как взять мундштук в рот, и все такое. Только для этого надо быть Кэнди Далфер. А в моей Жанин эротичности было не больше, чем в вешалке для шляп. И мастерство исполнения... Мягко говоря, оно оставляло желать лучшего. Играла она так, словно выступала в сельском клубе на конкурсе самодеятельности. Никакой импровизации. Трум-пурум-пум-пум. Puta madre.

Они распугивали всю мою публику, портили ей аппетит. И я расстался с этой парочкой, решил, что фламенко из магнитофона надежнее.

В тот день я работал в Готическом Квартале. Это замечательное место. Когда-то барселонцам запрещали строить дома дальше городской стены. Они же не испанцы, эти барселонцы, они каталонцы. Ужасно гордятся, как и все разновидности испанцев, тем, что они – не испанцы. Каждый говорит про себя: «Я не испанец, я – валенсьянец. Или, к примеру, я – андалусиец. Или: я – мадриленьо». Все говорят на одном и том же языке, но спорят до хрипоты, какая провинция лучше. При этом пьют вино и обнимаются. Такая вот у них нация.

Так вот, когда-то каталонцы были с кем-то там в ссоре – кажется, с королевским двором в Мадриде. Барселона считала, что именно она должна быть столицей Испании, а не выскочка-Мадрид. Мадрид, естественно, имел совершенно противоположное мнение. А потому, чтобы наказать барселонцев за строптивость, запрещено было строить дома за пределами La Muralla²⁴. Так и появился Готический Квартал. Это – старая Барселона, та, что находилась внутри городской стены. Каждый квадратный сантиметр был здесь на вес золота. Улицы здесь такие узкие, что нельзя высморкаться с балкона, не попав в глаз соседу, который подсматривает за тобой из окна дома напротив. Улочки узкие, а дома высокие, старинные и очень красивые. К сожалению, стены этих древних домов расписаны снизу совсем не древними надписями. Граффити – вот как это называется. Надписи, которые юные обдолбанные идиоты делают при помощи баллончиков с краской. Вы, наверное, видели такое. Так вот, в Готическом Квартале таких надписей до черта. Что-нибудь типа «LESBIANA PLEASURE», или «LIBERTAD PARA BASCOS!!!», или даже «SOCIALISMO O MUERTE!»²⁵ Идиоты, социализма им захотелось. Не жили они при Советской Власти.

Есть в Готическом Квартале одна небольшая площадь рядом со старинным собором из серого камня. Вся эта площадь заставлена столиками. И поверьте мне – не так-то просто найти свободное место за этими столиками, потому что здесь подают кучу всяких холодных закусок, которых не найдешь в другой части Испании. И наливают какой-то редкостный Jerez, названия которого я так и не запомнил. Для немца, к примеру, один черт, какой херес пить, он вообще пьет пиво. А испанец, стоит ему в первый раз попасть в Барселону, дисциплинированно идет в этот или ему подобный ресторан и говорит: «Por favor, deme algo local»²⁶. Он ловит кайф, понятный одним испанцам. Он хочет вернуться к себе в Малагу и сказать друзьям: "Был я в этой Барселоне, пил их хваленый местный херес. Que mierda es!"²⁷ Наш херес лучше".

---

²⁴ Городская стена (исп.).

²⁵ Надписи: «Лесбиянское удовольствие», «Свободу баскам!» «Социализм или смерть!»

²⁶ Пожалуйста, дайте мне что-нибудь местное (исп.).

²⁷ Ну и дерьмо! (исп.).

По мне, так самый лучший напиток – это наша русская водка. Только здесь она жутко дорогая. Когда я говорю, что в России можно купить за три доллара бутылку отличной водки, мне никто не верит.

О чем это я? Черт, опять сбился! Да, выступаю, значит, я на этой самой площади в Готическом Квартале. Подрулил на своем скутере²⁸, прислонил его к стене. Врубил музыку, работаю с бандерильями. Все идет, как надо.

Пожалуй, я в тот раз раскошегарился лишку – пошел между столиками. Люди пугаются, когда мохнатые пики летают у самого их носа. Они же не знают, что они в безопасности, что руки мои так устроены, что просто не могут упустить пику без моего ведома.

Но это выгодно – прогуляться между столиков. Это выбрасывает адреналин в кровь людей, отвлекает их от жратвы и выпивки. Это заставляет их лезть в бумажники и охотнее раскошелиться.

Я не сразу обратил внимание на эту девушку. К тому же она сидела ко мне спиной, и даже не пыталась повернуться. Мое внимание привлекло совсем другое – двое парней, сидевших с ней за столиком, разговаривали по-русски.

Эти двое были «быками». Самые натуральные бычары. Я сразу узнаю их. Даже не по одежде – обычно они идут в ближайший магазин и затариваются там по уши местными шмотками. И не по «гайкам» на руках – у иностранцев тоже есть такой обычай – таскать на пальцах кучу колец и печаток. По мордам я их узнаю. По раскормленным жующим физиономиям. И по взгляду – наглому, самоуверенному и все же настороженно рыскающему по сторонам. Не могут расслабиться эти люди, всегда ждут подвоха. Не научила их расслабляться жизнь в России.

Мои бывшие земляки были в изрядном подпитии. На что уж испанцы громко разговаривают, но эти орлы своим ором переходили все грани приличия. Заглушали, прямо-таки скажем, мой фламенко. К тому же матерились как извозчики. Руками размахивали. Цветастые рубахи их были распахнуты, на мощных грудях висели золотые цепи в два пальца толщиной. Шорты, напоминающие семейные доколенные трусы застойных времен. На ногах – тапочки. Словом, имели мои ньюрашены внешний вид, подходящий для пляжа, а не для ресторана. Но никто на них внимания не обращал. Я с трудом даже представляю, как нужно выглядеть, чтобы на тебя обратили внимание в центре Барселоны. Может быть, голову вторую отрастить? Или бивни, как у мамонта?

Никто на них внимания не обращал. Ну, сидят двое пьяных белобрысых мордворотов, лопочут что-то не по-испански. Немцы, наверное. А им, судя по всему, обидно это было. Вот сидят они, два русских героя, Леха и Вова, два крутых конкретных пацана, в центре Барселоны, пьют ихний херес, жрут ихних улиток со шпинатом, девку классную подцепили, сейчас оттягиваться поедут в полный рост. А кореша-братва далеко в Рассее застряли, некому порадоваться на Леху с Вовой. Потому что народ местный – все какие-то фуфлыжники, человеческого русского языка не понимают. Фраера, жируют тут себе в Европах, жизни не знают! К нам бы их! А лучше нас сюда! Мы бы им тут сразу шухер навели, шоб знали, как, в натуре, дела делать надо...

Примерно такой вот базар был у этих братков. Они вели себя так, словно находились на необитаемом острове. Они были твердо уверены, что никто на этой площади не понимает, о чем они говорят. И, в общем-то, они были правы – никто их не понимал и даже не слышал. Кроме меня.

Скорее всего, я тоже не обратил бы на них особого внимания. Но случилось нечто, напрочь выбившее меня из колеи. Слава Богу, в тот момент я работал всего с тремя бандерильями. Потому что, будь их в тот момент больше, этих бандерильи, я бы непременно упустил бы парочку и они воткнулись бы прямо в стриженные затылки Лехи и Вовы.

---

²⁸ Скутер – небольшой мотороллер.

Девушка, которая сидела с ними за столиком, повернулась и посмотрела на меня.

Я уже говорил вам, что мне не нравятся испанки. Но эта убила меня наповал, с первого взгляда.

Грубо я говорю. Привык, наверное, грубовато говорить о женщинах. Так бывает, когда пытаешься скрыть свои истинные чувства. Так проще.

Я не могу описать, что почувствовал в тот момент. Не то, чтобы язык мой был беден. Просто это страшно – сказать о том, что ты чувствуешь на самом деле, когда влюбляешься. Страшно показать всем то, что у тебя творится внутри, в душе твоей. Это все равно что оказаться голым на витрине, перед толпой плящущегося на тебя народа.

Боль сдавила мое сердце. И какая-то щемящая грусть – детская и беспомощная. Я вдруг снова почувствовал себя мальчишкой, который не может глаз отвести от самой красивой девочки на танцплощадке, а девчонка эта смеется и болтает с подружками, и так мило убирает челку со лба нежной рукой, и ты стоишь бледный, прислонившись к стене, и сердце колотится, и невозможно сделать вдох, потому что любовь душит тебя как грудная жаба, и ты знаешь, что эта девчонка никогда не будет твоей, потому что у нее есть парень, высокий, спортивный, на три года старше тебя, и, конечно, ты ей не чета. И вот она уже уходит с ним под ручку, а ты смотришь на ее хрупкую спину, и она поднимается на цыпочки, и что-то говорит ему на ухо, и они смеются, смеются...

Боже...

Я вдруг обнаружил, что стою с открытым ртом и смотрю на нее, как болван. Каким-то чудом, автоматически, я умудрился поймать свои бандерильи за те секунды, пока был в отключке, и вот сейчас стою, и держу их в руке, и тарашусь на эту девушку, а вся площадь тарашится на меня, и пытается догадаться, что это со мной случилось и почему я перестал кидать в воздух свои желто-красные палки.

– Лех, смотри, в натуре, этот испанка на нашу ляльку запал! Тащится, в натуре, как удав по стекловате!

Один из моих землячков ткнул в меня пальцем и громко заржал. Это спасло меня, вывело из полного ступора.

Я был еще слаб, еще не настолько оправился от поразившего меня удара, чтобы сделать шаг вперед и въехать в морду этому ублюдку, чего он, без сомнения, заслуживал. Я просто суетливо улыбнулся, кажется, даже пробормотал невнятный «Пардон» и ретировался к своему мотороллеру.

Я не закончил выступление, но решил сменить бандерильи на безобидные мячики. Потому что руки плохо слушались меня.

Мне больше не стоило глядеть на эту девушку. Это было вредно для моего здоровья. К тому же, я засветился в ее глазах, как полный идиот. Но меня тянуло к тому столику как магнитом. Мне было страшно, что я могу больше никогда не увидеть ее лицо.

Я уже не помнил ее лицо. Только глаза.

«Спокойно, Мигель, – сказал я себе. – Спокойно! Ты только посмотришь на ее личико и все сразу станет на свои места. Конечно, она окажется уродливым крокодилком. И тебе сразу станет хорошо».

Я снова жонглировал. Я подбирался к их столику бочком, незаметно. Я боялся посмотреть на нее, боялся увидеть ее лицо. Честно говоря, я совсем не был уверен в том, что только что сказал сам себе.

Я боялся, что второй взгляд прикончит меня окончательно. И поэтому, в конце концов, я оказался спиной к их столику. Стоял к ним спиной и жонглировал своими мячиками, не в силах повернуться к ним.

Парочка бычьих людей уже забыла про меня. Они снова орали в полный голос, перекрикивая мою музыку. А я слушал.

Мне интересно было, о чем может говорить пара редкостных уродов, сидящих за одним столиком с такой красивой девушкой.

4

– Слышь, как ее зовут-то, телку-то нашу? – проорал один.

– А не один ли хер? – язык у другого заметно заплетался. – Че нам ей, письма писать, что ли? Чо-то она говорила мне, вроде, как ее имя. Но я в ихнем языке не рублю. Говорят как нелюди. А еще типа культурными себя считают!

– Ты уверен, что она – проститутка?

– А кто же?

– Чо-то с виду не похожа. Смотри, чтоб не было, как в прошлый раз... Помнишь, проколослись мы? Чуть ихние мусора нас не свинтили! Баба какая-то дикая тогда попалась, чумная. Как ты кнутом ей по заднице врезал, так в окно и ломанулась. Голяком прямо. И орет – караул! Еле смотались...

– А хоть бы и не проститутка! Может, так и лучше будет! Эти, профессионалки-то, на них смотреть уж противно. Нам свежачок нужен! Не, ты глянь на нее – просто конфетка! Грудки, попка – супер! Мордашка, опять же, как у модели. Такое кино будет – пацаны дома с руками оторвут!

– Не, ты в натуре думаешь, смиренная?

– Говорю тебе, проблем не будет! Что голодная, это точно! Как я ей двести баксов показал, глазки так и засветились!

– А ты ей объяснил, что ей делать-то надо будет?

– Как я ей объясню-то, мудила ты строеросовый? Я ж сказал тебе, что по-ихнему не волоку. Только «пердон» да «грасьяс». Да ничо там объяснять не надо. За бабки они все что хошь сделают! Ты чо, их не знаешь, девок этих?

– Ладно. Значит так: сперва ты ее... а я снимаю. Потом наоборот. Потом я камеру на стол ставлю, на автомат. И мы ее с обеих сторон. А потом уж, как раскочегарится, доставай свой кнут и браслетки. Только не бей сильно – зашибешь еще, чего доброго, до смерти. И так хорошо орать будет. Видео будет – закачаешься!

– Ну ладно. Пора сваливать. В сортир только сходить. Отлить надо.

– Погодь. И я с тобой.

– А она... ничего? Не сбежит?

– Куда она денется? Пока она свои баксы не получит, сама будет за нами бегать, как козочка...

5

Я услышал, как за моей спиной громыхнули стулья. Два урода встали и пошли отливать.

Я повернулся и посмотрел на нее. Я уже не боялся, что это добьет меня. Мне уже не было страшно за себя, потому что то, что я услышал, вернуло мне часть моего рассудка – достаточную, чтобы что-то попытаться сделать.

Теперь мне было страшно за нее.

Сеньорита, – сказал я ей негромко по-испански, не прекращая жонглировать. – Вы напрасно связались с этими двумя bastardos²⁹. На вашем месте я бы сейчас встал и ушел, пока они не вернулись из туалета.

---

²⁹ Ублюдки (исп.).

– Иди к черту, клоун, – сказала она и прикурила сигарету. Руки ее едва заметно дрожали. – Это не твое дело.

– Это неподходящая компания для приличной девушки. Эти два грязных *extranjeros*³⁰ опасны для вас. Хотите узнать, что они говорят о вас?..

– Мне плевать на то, что они говорят! – глаза ее полыхнули яростью. – Ты – тоже *extranjero*. Я слышу это по твоему произношению. Не лезь мне в душу, клоун. У меня свои проблемы.

Мои самые худшие предположения сбылись. Она оказалась красивой. Очень красивой. Ей было не больше двадцати пяти лет. Темные гладкие волосы до плеч. Черты лица – чуть неправильные, но милые настолько, что невозможно оторваться. Это была та самая девушка, из-за которой я скитался по свету. Мечтал встретить ее, хотя и не знал еще, как она выглядит. Боялся встретить, потому что знал, что это вдребезги расколотит мою свободу.

Лицо ее было чуть усталым, чуть грустным. Но это чуть было только снаружи. Видно было, что там, внутри ее, пылал настоящий костер. Ее тошнило от этих двух ублюдков ничуть не меньше, чем меня. И все же она соглашалась с ними идти. Вынуждена была. В каком-то смысле, сейчас я был свободнее ее. Потому что у меня был выбор, а у нее – почти нет.

Она еще не знала, что я тоже пленник. Я стал пленником, как только увидел ее. Ее пленником. И выбора у меня тоже не было.

Я должен был попытаться справиться с собой, залить свое пламя ледяной водой – хотя бы на время. Я должен был сделать то, что собирался сделать, как можно лучше.

– Я понимаю их язык, – сказал я. – Они садисты. Они жестокие ублюдки, и единственное место, где им нужно находиться – это тюрьма...

– Хватит, отвяжись! – Она повернулась ко мне спиной и вцепилась в стакан с вином так, что пальцы ее побелели. Она больше не хотела разговаривать со мной.

Она разговаривала со мной грубо, но это было напускным. Я говорил с ней о том, о чем она сама боялась думать. И сейчас она оборонялась от меня. Ей и без того было страшно.

Впрочем, время для разговора закончилось. Парочка быков уже вываливалась из ресторана обратно на площадь.

Обычно на корриду быков выпускают по одному. Два быка, носящихся по арене и воняющих навозом – это слишком много для одного тореро. Даже если он жонглер.

И когда они подскочили ко мне, роя копытами землю, роняя на землю слюну от нетерпения поднять меня на рога, и громко выражаясь на бычьем языке, я сказал «*Hasta luego*»³¹, свернул свою мулету³² и ретировался.

Мое время еще не пришло. Время фаэны.³³

6

Я прошелся между зрителями с коробкой и собрал те деньги, которые полагались мне за выступление. Денег было меньше, чем обычно. Сам виноват – выступил сегодня позорно, скомкал все представление. Так и не дошел до своего коронного номера с бандерильей во рту. Можно было попытаться исправить положение – потрепаться с кем-нибудь из сеньоров, вынуть у сеньора из-за шиворота шарик и проглотить его, показать пару фокусов детишкам, подмигнуть какой-нибудь дамочке...

---

³⁰ Иностранцы (исп.).

³¹ Пока! (исп.).

³² Мулета – красная тряпка, которой торeadор дразнит быка.

³³ Фаэна – финальный поединок быка и тореро в корриде.

Ни к чему сегодня было все это. В конце концов, деньги всегда заработаем. Я ретировался к своему скутеру, запихнул бандерильи и прочий инвентарь в сумку. Я взял своего «ослика» за повод и повел его за угол. Я сделал вид, что закончил свое выступление, что устал, но в целом доволен жизнью, что мне плевать на все и так далее. На самом деле я внимательно наблюдал в зеркальце заднего вида за моими подопечными быками и моей красивой девушкой. Кроме них, ничто в этом мире меня в этот момент не интересовало.

За углом я быстро изменил внешность. Собственно говоря, в этом-то ничего необычного не было, я всегда меняю внешность после своих выступлений. Я содрал с себя тесный зеленый камзол тореадора – шикарный снаружи и весь пропотевший изнутри. Я быстро натянул безразмерную белую майку. А потом взял носовой платок и стер со своей физиономии грим.

Я стал совсем другим человеком. Эти трое не узнали бы меня сейчас.

Девушка неспроста назвала меня клоуном. Я и в самом деле выступаю, намазав себе лицо толстым слоем белого грима. Не совсем клоун, конечно. Не рисую я себе огромный оранжевый рот и черные круги под глазами величиной с чайное блюдце. Моя маска – скорее что-то вроде Пьеро. Немного сентиментальная, немного аристократичная.

Зачем? Почему я разрисовываю себе физиономию, хотя выступать в гриме в такую жару – удовольствие ниже среднего? Объясняется это очень просто – я не хочу иметь лишних проблем. А они у меня уже были. Еле выпутался – спасибо, братишка Эмилио помог. Но он же и подкинул мне идею тогда, когда выволок меня из чертовой полиции, и отвез к себе домой, и налил стакан виски, потому что после полицейского департамента у меня на лбу было написано: «Мне нужно срочно тяпнуть стакан».

Эмилио сказал мне тогда: «Будь осторожнее, Мигель, ты еще не получил гражданства. Ты – иностранец здесь, Мигель, не забывай об этом. А иностранец, который во второй раз имеет проблемы с полицией из-за нелегальной работы, рискует нажить себе большие неприятности. Конечно, это Испания. Тебе повезло, брат, что ты попал в приличную страну. Во Франции тебя за такие штучки бы посадили в самолет, и через три часа ты оказался бы в родной любимой Москве. В Германии, долбанутой на порядке, ты бы мог даже угодить за это в тюрьму. Но и в Испании не советую шутить тебе с этими los cabrones – всегда можно нарваться на такого идиота, что даже я помочь тебе не смогу»...

«Что же мне делать?» – мрачно спрашиваю, а рука тянется за вторым стаканом виски.

«Найди себе официальную работу, – говорит Эмилио, а сам отодвигает от меня бутылку с виски, потому что это старый добрый шотландский Glenfiddich pure malt, здесь его пьют маленькими глоточками, а не хлещут, как я, стаканами. – Устройся на какую-нибудь работу. Или придумай что-нибудь, чтобы не попадаться больше на глаза этому каброну Фернандесу. Потому что он глаз на тебя уже положил»...

И я придумал.

Проблема моя заключалась в том, что слишком много людей таскается сейчас с видеокамерами. Напялит беззаботный турист японскую «варежку» на лапу и пялится в глазок. Я со своим трюком для него – экзотика. Видеосъемка для него – развлечение. А для меня это уже улика, причем очень весомая. Вовсе не радует меня перспектива снова быть вызванным в департамент и увидеть там на экране видака свою морду с бандерильей во рту.

Вот так-то. Поэтому я и накладываю грим. Теперь вы все поняли. Поняли и даже одобрили. А если и не одобрили, то это особого значения не имеет.

Потому что суть заключается в том, что я стер свою краску с лица и стал более или менее похож на нормального человека. А потом надел мотоциклетный шлем и стал похож просто на мотоциклиста, которых в Барселоне пруд пруди. Еще пять минут назад я привлекал внимание целой площади, а теперь я стал настолько неприметен, что взгляд останавливался на мне не дольше, чем на каком-нибудь дереве или мусорном баке.

Я стал предметом уличной обстановки. Я стоял и ждал. Я был уверен, что они должны выйти именно через этот проулочек. Я предполагал, что они воспользуются такси. Потому что ездить на своей машине по Барселоне – занятие для людей, привычных к хроническому стрессу. Движение в центре города такое, что Москва с ее пробками может показаться безлюдной пустыней. И если ты никогда прежде не ездил по этим улицам, да еще и вмазал крепкого спиртного выше всякой меры, за руль тебе лучше не садиться – далеко не уедешь.

Я оказался прав. Они прошли мимо меня. Один из них чуть не свалился на меня, потому что походка у него была, как у пьяного матроса во время шторма. И все равно они меня не заметили. Они вышли на центральную улицу и начали размахивать руками, пытаясь выловить такси.

Я завел свой скутер и тихонько последовал за ними. Я молил Бога, чтобы какой-нибудь резвый полицейский не остановил меня за нарушение правил. Потому что в этот момент я нарушал все правила уличного движения, какие только существуют в Испании.

Черный «Рено» с желтыми шашечками на борту остановился, и они упали внутрь. Втиснулись все втроем на заднее сиденье, сдавили бедную девчонку с двух сторон могучими плечами. Наверное, все еще боялись, что она сбежит или ляпнет что-нибудь непопуганное шоферу.

Шофер был пожилым человеком, и это более чем устраивало меня. Старички не любят спешить, они уже свое отспешили. Если ты едешь в такси и твой шофер – старикан, который нарочно цепляет каждый светофор и не пытается вылезти из ряда, то это раздражает. Хочется наорать на него и даже врезать по шее. Но если ты преследуешь такси на мотороллере, то неторопливый старичок за рулем – это благо, чистое удовольствие. Хочется от всей души поблагодарить его и дать ему хорошие чаевые.

В городе я держался в хвосте безо всякого труда. Я уже говорил, что центр Барселоны – сущий ад для машин. Они ползут как черепахи, едва не цепляя друг дружку блестящими боками. Они сдерживают свои лошадиные силы – как мустанги, запертые в ущелье. Они хрипят от нетерпения, мечтают вырваться на свободу, но сделать ничего не могут. Они пойманы в ловушку города, перегруженного автомобилями.

Для маленького шустрого мотороллера здесь не то что рай, но вполне удобоваримое место. Здесь многие ездят на таких же скутерах, как у меня. На забавных «осликах» с маленькими колесами. Это, конечно, менее комфортабельно и престижно, чем «Линкольн». Но, стоит вам час потолкаться в автомобильной пробке в том же «Линкольне», и вы вспотеете, несмотря на кондиционер. Вы почувствуете зависть к парням на мотороллерах, пролезающим в щели между грустными большими машинами, скворчащими, как недовольная яичница.

В городе я был хозяином положения. Но через час мы (черное такси и я на «хвосте») все же протолкались через забитую автомобилями и людьми Барселону и вылезли на автостраду.

Я побаивался. Побоялся того, что водитель такси, почувствовав свободу, надавит на «тапочку» и полетит со скоростью сто шестьдесят километров в час к неизвестной мне резиденции двух русских бандитов. Это было бы серьезным осложнением, потому что мой скутер, не самой дорогой марки, никак не выжимал больше ста двадцати.

Но мой старичок за рулем был последователен в своей неспешной манере езды. Мне хотелось остановить его, вытащить из машины и расцеловать. Потому что он шел ровно на сотке, *ni mas ni menos*³⁴, и следовать в его фарватере было занятием незатруднительным и даже приятным. Может быть, пара быков на заднем сиденье материла его на чем свет стоит – на своем, на родном русском, потому что других языков они не знали. Но только он вряд ли обращал на это внимание. Он флегматично пилил на средней скорости, и все обгоняли его.

---

³⁴ Не больше, не меньше (исп.).

Кроме меня, конечно. Я ехал в правом ряду, держась так, чтобы между мной и черным Рено были два больших грузовика. Я не хотел, чтобы меня заметили раньше времени.

Фортуна благоволила ко мне.

Не подумайте, что я был спокоен в тот момент. Сердце мое, кажется, стучало в два раза быстрее обычного. Голова же, напротив, еле-еле варила свою рисовую кашку. Я дико боялся. Я собирался совершить черт-те-что – такое, чего я никак не мог позволить себе в этой стране, будучи иностранцем с видом на жительство. С моим зыбким статусом я должен был вести себя тихо, как мышка, и безропотно выполнять все законы. А я гнался за какими-то двумя туристами и их девушкой, и минимум, что я собирался сделать – нарушить неприкосновенность их жилища. О максимуме говорить не будем. Я был зол, но не до такой степени, чтобы убить этих двух мясистых увальней. Чего, вполне вероятно, они заслуживали.

Я боялся. Боялся прежде всего потому, что эти двое были русскими, причем русскими самого мерзкого сорта. Они словно вылезли из моих страшных снов, из моих ночных кошмаров, отвратно ухмыляясь, воняя потом и перегаром. В России, я боялся бы их меньше, там это было привычно. А теперь я выпал из обоймы. Я расслабился, уже усвоил, что закон имеет в Испании гораздо большее значение, чем в России. И мне тяжело было осознавать, что этой ситуации от испанского закона не было ни малейшего толка. Что я могу рассчитывать только на себя.

В самом деле, что я мог сделать сейчас? Обогнать их на мотороллере и вырулить поперек дороги, перерезав им движение? Начать разборки прямо на автостраде? Я представил, как два быка тяжело и недвусмысленно вылезают из машины, вежливо интересуются, какого хрена мне надо. Я объясняю им на чистом русском, что они козлы и должны отдать мне свою девочку. И лежу потом на обочине с разбитой мордой, смотрю в небо и хлопаю глазами. Или еще хуже: сижу в полицейском участке, и прижимаю к фингалу под глазом тряпочку, смоченную холодной водой, и пишу объяснительную, что сделал это исключительно из гуманистических побуждений, потому что подслушал их разговор, и понял, что два бандита собираются надругаться над девушкой и снять ее в порнофильме против ее воли?

Мне не стоило попадать в полицию – ни по какому поводу, пусть даже самому справедливому. Поэтому я молчаливо ехал за черным такси по загородному шоссе и давил в себе страх.

7

«Рено» вкатился в какую-то *area residencial*³⁵. Здесь был высокий каменный забор и единственный въезд на территорию. Мне пришлось последовать за ними, держась на приличной дистанции. Конечно, я мог бы поддать газу и прилепиться прямо к их заднице, но тогда я открыто подставил бы себя. Нарисовался бы в полный рост.

И все-таки я потерял их. Нас разделяли две сотни метров, когда такси свернуло в какой-то проулок справа. Сотни коттеджей с одинаковыми белыми стенами составляли содержимое этого стандартного поселка. Дома росли из склонов горы как опята из пня, и дороги извивались между ними как черви. Дорожки разветвлялись в самых неожиданных направлениях и не оставляли мне шанса хотя бы случайно наткнуться на любимых соотечественников.

Я осадил своего «ослика» и медленно поплюхал обратно ко въезду. Я остановился у ресторанчика под названием «Rosita» и стал ждать.

Пустой, освободившийся от пассажиров «Рено» появился минут через десять. Я бросился наперерез ему, размахивая руками, как ветряная мельница Сервантеса.

---

³⁵ Поселок, состоящий из коттеджей с небольшими участками.

– Сеньор, – сказал я заплетающимся языком. – Плиз спик ми... Май амигос ррусос... Плиз! Дос амигос и ун чика! Спик ми намбэр оф хаус! Муй аградесидо! Йо буско зэм. Ай эм ихний фрэнд. Грасьяс!³⁶

Если бы я говорил на нормальном языке, я бы, пожалуй, вызвал подозрение у водителя. Но сейчас я выглядел так же безобразно, как пара его пассажиров. И говорил на таком же отвратительном языке.

К тому же я сунул старичку десять тысяч песет – хорошую плату за несколько маленьких вопросов. Мне было не жалко этих денег. В конце концов, должен же я был чем-то отблагодарить его за замечательную, неторопливую езду.

– Numero dieciocho, en la calle Verde. A la derecha³⁷, – сказал шофер, запихивая купюру во внутренний карман пиджака. – Nombre, – вдруг добавил он, и внимательно посмотрел на меня, словно оценивая, такой ли я дебил, как мои русские друзья, или все же имею пару извилин в голове. – Estan muy borrachos. Demaciado. Es mal, no me gusta³⁸.

– A mi tampoco³⁹, – сказал я. Оседлал свою тарактелку и поехал.

Мне тоже все это не нравилось. Очень.

8

Дом номер восемнадцать был вполне обычным коттеджем: белая шершавая штукатурка, нахлобученная треуголка черепичной крыши, толстые стены, небольшие аккуратные окна. Задницей дом втиснулся в гору, в каменистую землю. С задней стороны он имел только один этаж – второй, потому что первый утонул в горе. А на меня дом смотрел двухэтажным фасадом. Даже как бы улыбался зубастым балконом, подмигивал окнами, в которых отражалось нестерпимо блестящее небо. "Входи, – говорил он, – попробуй войти, тореро. И я с удовольствием выкину тебя со второго этажа, прямо в этот бассейн без воды, переломаю твои косточки о его твердое дно. Потому что я – частная собственность, тореро. В меня нельзя входить просто так, без разрешения. Входи, и я выплуну тебя через разбитое окно. И ты попадешь в тюрьму. А потом тебя депортируют обратно в твою варварскую страну, а я останусь здесь. Потому что я – *чистый* испанец, в отличие от тебя".

Я промолчал, не хватало еще только вступать в споры со всякими там тупыми домами. Я задвинул свой скутер в кусты, чтобы он не мозолил глаза. Я перелез через изгородь – скорее декоративную, чем преграждающую путь. И оказался во двореке.

Коттедж этот построили совсем недавно. Может быть, его даже еще и не совсем достроили, потому что в большом овальном бассейне, выложенном мелкой голубой плиткой, вместо воды находился всякий строительный мусор.

Наверное, он принадлежал русским, этот коттедж. Потому что он был несуразно большим по сравнению со своими соседями-коттеджами. И потому что не был достроен – чуть-чуть. Так часто бывает. Замахивается какой-нибудь guso puevo⁴⁰ на шикарный домище. «Чо там по мелочи бабки кидать? – говорит этот человек своим друзьям где-нибудь в саратовской бане. – Налепили эти испашки домишек, как скворечников! А я хочу дом типа нормальный. Большой, типа». Приходит он в испанскую фирму, которая занимается строительством, пьет халявный кофе, перебирает проекты, оттопырив для важности губу, и в конце концов тыкает ногтем в

³⁶ Пожалуйста скажите мне. Мои русские друзья... Два друга и одна девушка. Скажите мне номер дома! Премного благодарен! Я ищу их. Я есть ихний друг. Спасибо! (смесь ломаного английского и испанского)

³⁷ Номер восемнадцать уа улице Зеленой. Направо (исп.).

³⁸ Дружище, они очень пьяные. Чересчур. Это плохо, мне это не нравится (исп.).

³⁹ Мне тоже (исп.).

⁴⁰ Новый русский (исп.).

фазенду, приличествующую скорее Джону Траволте, чем торговцу запчастями для «Волги». «Эту, – говорит он. – И, типа, побыстрее. Типа, с бабками проблем не будет».

А с деньгами всегда есть проблемы. Потому что случается вдруг в России кризис, или выборы, или смена правительства. Или просто сбываются чьи-то мрачные прогнозы. Президент привычно болеет пневмонией, рубль с радостным уханьем валится в пропасть, доллар молчаливо взлетает в облака. Спрос падает. Запчасти ржавеют на складе, а должники разбегаются как крысы по явочным квартирам, и пережидают, пока набьют морды всем их ни в чем не виноватым родственникам. Новый русский чешет в репе – он не думал, что так получится. Он думал, что ему всегда будет фартить. Он расслабился. Он только вчера просадил полштуки зеленых в ресторане и еще двести баксов кинул на шлюх. А тут такое... К нему приходит факс из Испании, где черным по белому написано – заплатить десять тысяч долларов до конца года. Он лезет в свой бумажник и обнаруживает там только новенький, неиспользованный синий презерватив с сантиметровыми шипами и головой лягушки. Человек расстроено крикает и начинает искать выход из положения.

Все выходит не так, как он думал. За его драгоценную недвижимую в Испании, оказывается, можно выручить денег в полтора раза меньше, чем он уже туда вбухал. И нужно платить каждый год приличную сумму за содержание дома. И оставлять дом недостроенным, оказывается, весьма накладно – здесь вам не Россия. В общем, куда ни кинь, везде хрен, а не белая булочка.

Остается одно – сдать дом в аренду. И то еще чертовы арендаторы воротят нос, и говорят, что ни к чему им такое большое помещение, и бассейн не работает, и до моря целых триста метров вниз под гору...

И идет тогда наш горемыка к своим корешам, с которыми недавно еще только пил пиво в бане. А теперь должен он им небольшую гору денег – причем в инвалюте. И говорит он корешам своим: «А не хотите ли вы, кореша мои любезные, – говорит он им, – оттянуться со всем удовольствием на средиземноморском побережье Испании? Хата у меня там, как вы знаете, забубенная. И арендаторы висят у меня на проводе день и ночь, и просят, козлы, сдать ее. Никаких, типа, денег не жалеют. Но я вам сдам ее за сумму в два раза меньшую, причем исключительно из уважения, и по дружеской любви к браткам»...

Вова и Леха кивают квадратными затылками. Они, типа, согласны. Они собирают шмотки и едут оттягиваться в Испанию.

Всю эту историю я придумал тут же, стоя перед домом номер 18 на Зеленой улице. Может быть, все было совсем не так. Просто фантазия у меня слишком богатая, и скучно мне было лезть в этот дом, и разбираться с этими хмырями без придуманной мной предыстории. К тому же мне хотелось верить, что дом этот действительно принадлежит какому-нибудь русскому. Неважно, какому. Потому что при мысли о том, что я могу залезть в дом к немцу или американцу, законопослушная душа моя взвизгивала и пыталась пуститься наутек.

Вокруг не было никого, ни души. Испания молчаливо пребывала во времени сиесты – послеобеденного отдыха, священного ничегонеделания. Народ дисциплинированно дрых в постелях, отгородившись от палящего солнца непроницаемыми жалюзи, собирал силы для ночного веселья. Я был один, и никто не собирался мне мешать.

А потому я не стал терять время. Я решительно подошел к двери, которая находилась под балконом, и взялся за ручку.

Дверь была заперта. Я обошел дом и попробовал открыть заднюю дверь – тихонечко, чтобы не создавать лишнего шума.

Безрезультатно. Мои орлы были не настолько тупыми, чтобы оставлять двери открытыми.

Большая двустворчатая дверь на балконе, на втором этаже, была приоткрыта. Деревянная дверь, двустворчатая, с круглым верхом – огромная, почти что ворота. Мощный вибрирующий

ритм поп-музыки доносился оттуда, и музыка эта очень не нравилась мне. Наверное, Леха с Вовой уже начали свои игрища. Мне нужно было спешить.

Я бросил взгляд в бассейн и увидел там лестницу – здоровенную, деревянную, тяжелую, состряпанную кое-как и наполовину изломанную – вероятно, брошенную строителями. Но меня вполне устраивала и такая.

Я вытащил ее из бассейна и приставил к балкону. Я обливался потом – не столько из-за жары, сколько из-за страха.

Я лез на балкон. В руках я держал две бандерильи. Какое-никакое, а оружие. Хотя в этот момент я предпочел бы что-нибудь более серьезное, или, хотя бы, что-нибудь более устрашающее. Например, подствольный гранатомет.

Я уже приблизительно продумал все, нарисовал в своей не в меру развитой фантазии. Значит, так, вот как это все произойдет: я распахиваю дверь, ору по-испански: «Ни с места, полиция!» Мои жлобы с жалобным писком вываливаются в заднюю дверь и бегут голыми по улице, беспомощно размахивая своими мужскими принадлежностями...

Нет, пожалуй, это слишком мягкий вариант, такого не бывает. Все будет по-другому. Я распахиваю дверь и прыгаю внутрь, как Джеки Чан, в каждой руке по бандерилье. «Козлы позорные! – ору я по-русски, – ща Миша Гомес вам отмашку сделает! Мордами к стене, или я за себя не отвечаю!» Но они, конечно, сдаваться так просто не собираются. Вова выхватывает пистолет и целится мне прямо в сердце. Он уже нажимает на курок, но я успеваю метнуть бандерилью. Она попадает точно в ствол пистолета и закупоривает его намертво. Раздается взрыв, пистолет разлетается на части. Оба бандита падают без сознания, изрешеченные осколками.

Финал у этих двух сценариев был одинаковым: я поворачиваюсь к кровати, где лежит моя девушка – связанная, обнаженная и изумительно красивая. Она смотрит на меня огромными глазами. Восхищение и любовь – вот что написано в этих глазах. Я подхожу к ней и опускаюсь на одно колено. Я пытаюсь развязать веревки, которыми она спутана, но узлы слишком крепки. Тогда я вцепляюсь в узел зубами, уткнувшись носом в ее шелковистую кожу, и вижу, как высоко и волнительно вздымается ее грудь.

– Сеньора, – говорю я. – Я же предупреждал вас, что эти двое иностранцев – *bandidos* и *bastardos*⁴¹.

– Не надо слов! – Она прикладывает уже освобожденный пальчик к моим мужественным губам. – Я знала, что вы придете, что освободите меня! Ведь это судьба...

Вы, конечно, смеетесь. Вы думаете: «Здоровый взрослый бугай, а размечтался, как мальчишка! Мы думали, что ты немножко умнее, Мигель Гомес! С такими фантазиями только романы для дамочек писать»...

И вы абсолютно правы. Потому что реальность не имела ничего общего с тем, что я нафантазировал. Реальность, собственно говоря, была очень лаконичной. Очень короткой.

Она выразилась только в одном звуке.

«Буммм!»

Как только я просунул свою глупую башку в дверь, что-то тяжелое въехало в мой череп, и я, кувыркаясь, полетел в беспросветный мрак.

9

Я открыл веки. И не поверил своим глазам.

Я валялся на куче полугнилых шкур в какой-то мрачной комнатухе. Стены ее, сложенные из огромных, грубо обтесанных камней, едва освещались фитильком, плавающим в чашке с жиром. Запах стоял здесь ужасный. Вонь горящего жира, вонь годами невымытых тел, вонь

---

⁴¹ Бандиты и ублюдки (исп.).

испражнений. И еще смрад смерти. Почему-то именно смертью пахло здесь, в этом темном и холодном каземате. Я хорошо запомнил запах смерти, когда работал в морге.

Я пошевелился и застонал. Дотронулся рукой до головы – на ней была здоровенная ссадина. Кровь текла по лбу, стекала на глаза, так, что я с трудом мог разлепить ресницы. Я попытался приподняться и тут же упал обратно. Боль раздирала меня изнутри.

Две фигуры, облаченные в бесформенные балахоны, стояли рядом. Одежда одного человека была грязно-бурого цвета, и на ней были нашиты голубые многоконечные звезды. Ряса другого человека была белой, не менее, впрочем, грязной. Лица людей скрывали глубоко надвинутые капюшоны. В полумраке я различал только глаза, внимательно глядящие на меня.

На моих русских быков эти двое не были похожи никоим образом.

– Non aya lugar de mas ofender a nuestra Santa fe, – произнес один из людей, тот, что был одет в белое, – asi en los que hasta aqui dios ha querido guardar como en los que cayeron se enmendaron e reduzieron a la santa madre yglesia⁴².

Он говорил на странном языке. Кажется, это была разновидность испанского – древняя, наполовину напоминающая латынь.

– Святой Матери-Церкви? – губы человека в буром балахоне искривились в усмешке. – Уважаемый Фернандо де ла Крус, вы все еще верите в святость Папы и его прислужников здесь, в Испании? Вы, alumbrados⁴³ – забавные люди. Забавные и наивные. Вас обвиняет в греховной ереси Инквизиция. Вас пытаются в подвалах демоны, рядящиеся под святош. Вас выводят на аутодафе с кляпами во рту. Вас лишают имущества, публично порют розгами, ссылают на каторгу. Благодарите Бога, что вас еще не сжигают живьем, как скрытых евреев. И все же вы верите в то, что Святая Церковь может вернуться к истинной вере!..

Этот человек говорил на таком же архаичном испанском, однако почему-то я понимал его без труда.

– Церковь погрязла в грехе, – сказал Фернандо де ла Крус. – Это несомненно. Но Бог милостив. Он простит заблудших, простит раскаявшихся. Нужно лишь возвыситься до непосредственного соединения с Богом. И внешние религиозные обряды могут лишь помешать этому соединению. Внутренний свет, озаряющий наши души, исходит от самого Бога, а не от предписаний Папы и его церкви. Мы, иллюминаты, не нуждаемся ни в каких человеческих указаниях и должны поступать лишь так, как диктует нам наш внутренний, божественный свет! Религиозные обряды, иконы и церкви нужны лишь для необразованных людей, как нужны игрушки детям. Люди, поднявшиеся на истинную высоту, должны обходиться без них, так как все внешнее отвлекает от созерцательной жизни, от соединения с Богом. И пусть Инквизиция преследует нас! Ибо мученичество всегда было уделом истинных христиан! Да воздастся нам...

– Довольно, дон Фернандо! Я хорошо знаю суть вашего учения. – В голосе человека в бурой рясе не было насмешки – скорее, уважение, смешанное с нетерпеливостью. – Прошу прощения, дон Фернандо, но дела наши спешны и не терпят отлагательства. Я не могу долго удерживать своей магической властью здесь этого человека. Силы мои слабы, и скоро он вернется в свое время, предназначенное ему Богом. Нам надо решить, что делать с ним.

– Это и есть он? – дон Фернандо снова уставился на меня. – Этот странно одетый человек и есть ваш Slavus, уважаемый Рибас де Балмаседа?

– Да, – тот, кого называли де Балмаседой, осторожно дотронулся до меня длинным сучковатым посохом. – Это он, ошибки быть не должно. Я тщательно составил заклинание – на это

---

⁴² Нельзя допустить дальнейшего оскорбления нашей святой веры как в отношении того, кого Господь сохранил невредимыми, так и в отношении тех, которые пали, раскаялись и вернулись к святой Матери-Церкви. (староиспанский язык)

⁴³ Alumbrados, Aluminados – «Иллюминаты», – мистическое учение католического христианства. Появилось в Испании в конце XV века.

у меня ушло полтора года. И звезды сегодня наконец-то расположились благоприятным для сего дела образом. Это он, Clavus⁴⁴.

– Кто я? – Потрескавшиеся губы мои едва шевелились. – Клавус? Какой еще клавус? Я – Мигель. Мигель Гомес. Разрешите представиться, Ваши Светлости...

– Нам неизвестно твое мирское имя, – голос Балмаседы был хладнокровен. – Но роль твоя значительна. Ты – рука промысла Божьего, и мы допустить не можем, чтобы ты умер, не выполнив своего предназначения.

– Умер? – Я покачал головой, насколько это позволяла боль в разбитом лбу. – Но я, вроде бы, не собираюсь умирать.

– Там, в своем времени, ты скоро умрешь. По прошествии получаса тебе перережут горло и швырнут тело твое на съедение собакам. Мы знаем об этом, ибо так сказали волшебные книги.

– Эти, что ли, быки отмороженные? – пробормотал я. – Они мне там глотку попишут?

– Говори на языке образованного человека, если хочешь, чтобы тебя поняли, – вмешался дон Фернандо. – Да, двое человек, не сознающих, что творят, ибо ведомы рукой дьявола, врага Господа нашего, должны убить тебя там. Им кажется, что они тешат свои низменные страсти. Но на самом деле они пойманы в ловушку дьявольского наваждения – так же как и ты. Сети Сатаны расставлены широко, и трудно не угодить в них грешнику.

– Вы хотите спасти меня?

– Мы должны спасти тебя, юноша! – Голос дон Фернандо звучал торжественно, может быть, даже несколько помпезно – ему явно нравилось быть спасителем. – Груз твой велик, и лишь тебе нести его! Не можем мы, озаренные светом Господним, допустить, чтобы погиб ты из-за глупой ошибки, и La Puerta del diablo⁴⁵ не были закрыты. Лишь поэтому пренебрег я, иллюминат, советом Господа нашего не прибегать к колдовствам и волхвованиям. Лишь потому преступил я через грех свой и страх свой, и обратился к помощи могущественнейшего и скрытнейшего из магов Каталонии – Рибаса де Балмаседы. И пусть покарает за то меня рука Вседержителя нашего...

– Дон Фернандо! – де Балмаседа говорил уже явно с раздражением. – Не поминайте имени Господа всуе, ибо не вам судить, кто ближе к нему! Оставьте ваши святые речи для ваших последователей. У нас остались лишь считанные минуты для выполнения нашей миссии. – Он кивнул на большие песочные часы на полу. – Итак, спрашиваю я вас, Фернандо Хавьер Менес де ла Крус, признаете ли вы, что сей человек, находящийся в сей комнате – истинный Clavus?

– Да! – Де ла Крус, похоже, был слегка напуган властным голосом мага, заполнявшим сейчас всю комнату. – Признаю!

– Тогда да свершится воля Божия!

Де Балмаседа преклонил колена и опустился на пол рядом со мной. Он извлек из складок своего балахона глиняную бутылочку, вытащил из нее пробку и протянул мне.

– Пей, Clavus, – сказал он мне.

– Подождите... – я слабо сопротивлялся. – Вы, это, сеньор Балмаседа, уж объясните мне, дураку такому, во что я ввязался. Что это за Врата Дьявола? И что у меня за миссия такая секретная? И наконец, что мне делать там, когда я снова наедине с этими быками окажусь? У меня ж голова вся разбита, еле двигаюсь. Может, вы мне оружие какое дадите? Мушкетеры у вас еще не изобрели? Хотя бы саблю...

– Мигель Гомес, замолчи! – Одна рука мага грубо схватила меня за затылок, другая ткнула горлышком бутылки прямо мне в рот. – Не заставляй меня сомневаться в результатах

---

⁴⁴ Ключ (лат.).

⁴⁵ Врата Дьявола (исп.).

моей работы! Ибо не может быть таким глупцом Clavus, проводник воли Божьей! Ты должен сам познать суть вещей! Пей! Ты все увидишь сам!..

Я разжал зубы и снадобье полилось мне в рот, обожгло мою глотку. Оно остановило мое дыхание, потому что едкий запах был непереносим. Я захрипел, пытаюсь сделать вдох, и забился на полу.

Последнее, что я видел – это песчинка, одиноко скользнувшая из верхней чаши часов в нижнюю.

10

Я открыл глаза. На этот раз я вполне поверил тому, что увидел. Потому что это была моя реальность. Я сидел на полу в гостиной комнате того самого дома, в который проник только что без приглашения. Я сидел на полу, прислоненный для устойчивости к стене. Руки мои были заведены за спину и скованы наручниками, а цепь их была пропущена сквозь решетку камина. Толстый железный прут каминной решетки надежно удерживал меня от дальнейших глупостей.

Я, дурень, сунул голову свою прямо в ловушку. И получил по глупой голове чем-то твердым – скорее всего, вот этой кочергой. Она валялась у камина и была покрыта кровью. Моей кровью.

Меня треснули по башке, и поделом – не будь такой раззявой. Размечтался, понимаешь ли. Супермен нашелся. Вообще, фантазия у меня развита не в меру. Сколько времени я был в отключке – минут десять? И за это время такая чертовщина мне привиделась. Каземат какой-то, Испания времен Инквизиции. Славная парочка – какой-то повернутый сектант (иллюминат, кажется?) и маг с неприличным названием де Балмаседа. Один в нестираном белом балахоне, другой – в нестираном коричневом, со звездами.

Расскажешь кому – засмеют.

Хотя самому мне было не до смеха. Вляпался я здорово, по самые уши. Вова и Леха завершали приготовления к съемке своего хард-порно. Они уже скинули потные майки и остались в цветастых трусах до колена. Когда я увидел их обнаженные торсы, мне захотелось засмеяться и заплакать одновременно.

Это ж надо! Ну почему я так по-идиотски подставился? Сидел сейчас, прикованный к камину, и ничего не мог сделать. Ведь если бы я вступил в обычную, честную драку с этими двумя бугаями, я бы навешал им обоим по ушам так, что они вспоминали бы об этом всю жизнь. И это были бы не самые приятные воспоминания для них.

Я – не ходячая груда мяса, нет у меня гипертрофированных мышц, накаченных анаболиками. Я не умею драться ногами, как Брюс Ли, и выражение лица у меня не такое убийственно-хладнокровное, как у Стивена Сигала. Но все мои годы, начиная с армии, я занимался в основном физической работой. Я – жилистый, подвижный. Я отжимаюсь сто двадцать раз и подтягиваюсь тридцать пять. Я могу сделать сальто назад и сесть в шпагат – хоть в продольный, хоть в поперечный. Работа у меня такая. Я – жонглер и немножко акробат. Кулаки у меня здоровые и увесистые, могу вас уверить. Русские кулаки. И реакция превосходная – это сказал мне один боксер-перворазрядник, которому я поставил два фингала за пять минут.

Короче говоря, внешне я – самый обычный молодой человек. При росте в сто восемьдесят пять я вешу семьдесят пять килограммов. Не слишком много. Но все эти килограммы – чистые мышцы. По сравнению со средним испанцем я долговязый и худой. По сравнению с Вовой и Лехой я был низеньким и безнадежно тощим, потому что в каждом из них было не меньше ста двадцати килов – навскидку. И росту больше ста девяноста. Они были здоровыми быками, вполне созревшими, чтобы отправлять их на бойню.

Для корриды, они, конечно, подходили плохо. Потому что черные быки миурской породы, которых выгоняют на арену, состоят, кажется, из одних мышц. Они хорошо тренированы, эти мощные испанские быки. Мои же, пардон, соотечественники, больше походили на свиней. Они были розовыми по причине некоторой обгорелости на солнце. Они были гладкими и блестящими. Они были огромными. И еле двигались. Жира тут было явно больше, чем мышц. Если мышцы вообще были.

Не знаю, кому они собирались продавать свое самопальное порно. Я бы такое кино не купил, меня стошнило бы на втором кадре. Не от девушки, конечно, а от Вовы с Лехой.

Девушка была красивая. Я, в принципе, и так хорошо представлял, как она выглядит. Ее обтягивающее платьице, в котором она сидела там, в Барселоне, ничего не скрывало. Но теперь, когда на ней не было этого платья, она была просто ослепительна. У меня даже голова закружилась от такого зрелища.

Плохо она на меня действовала. Плохо. Я видел много голых девчонок в своей жизни. Со сколькими я спал? Не знаю, сосчитать не могу – память у меня плохая. И многие из них были, наверное, красивее этой испанки. Но для это не имело особого значения, потому что она сводила меня с ума. Я был определенно болен. Мне даже пришлось закрыть глаза, чтобы перевести дыхание и не кончить прямо сейчас, в таком неудобном положении.

На ней не было почти ничего, только узкие трусики из черной блестящей кожи. Причем сидела она, расставив ноги, и на трусиках ее был вырез в самом интересном месте.

Конечно, это они надели на нее такую порнографическую одежку. Скоты. Потому что она ничего такого сама одевать бы не стала. Я думаю, что ей очень не нравилось то, что сейчас происходило. Я думаю даже, что она пыталась сопротивляться этим двум бугаям, потому что была привязана веревками – отдельно каждая рука и нога. Она была распята в сидячем положении, а во рту ее был кляп.

Предупреждал же я ее, с кем она имеет дело. Но она предпочла пойти с этими уродами. А ведь могло получиться все иначе: она должна была встать, пока эти двое орошают писсуары, и быстро пойти вместе со мной к моему мотороллеру. И через пять минут мы бы летели вперед, к нашей любви и свободе. А потом мы сидели бы в лучшем ресторане и пили изысканное вино. Она сама заказала бы это вино, потому что я в испанских винах не разбираюсь. Я дарил бы ей самые красивые цветы на свете, целовал бы ей руки. А потом бы у нас была ночь – самая счастливая в нашей жизни. Потому что я никогда бы не расстался с ней. Я убил бы любого, кто подошел бы к ней ближе, чем на десять шагов...

А теперь мы связаны, как бараны перед закланием. И пара жирных свиней собирается глумиться над нами.

Может быть, это и в самом деле – ловушка дьявола? Потому что так быть не должно.

Я снова открыл глаза. И пожалел об этом. Потому что один из них, по имени Вова, смотрел прямо на меня.

– Гляди-ка ты, оклемался! – сказал он. – Я уж думал он того, концы отдал. Ты его хорошо кочергой приложил, Лех.

– Ага! – Леха тоже повернулся ко мне. – Нет, ты прикинь, в натуре, фраер какой! Пилил за нами на инвалидке своей с самой Барселоны, думал, что не заметим. А потом вокруг дома начал шмонаться, за ручки дергать. По лестнице полез. Они что, все идиоты такие, эти испашки? Сразу видно, никогда в нормальной стране не жили, не привыкли бояться. Козел... Вот что с ним теперь делать?

– Шлепнуть его, – сказал Вова. – Он же это, типа жонглер – по улице шляется, шарики свои кидает. Человек никому не нужный. Никто его искать не будет. А если мы его отпустим, он нам такого шухера тут наведет... Он вообще не из этой пьесы, лишний он.

– Сейчас прямо?

– Сдурел, что ли?! – рявкнул Вова. – Твое дело сейчас чего? Кино снимать! Девчонка, вон, совсем раскисла! Стегнешь ее пару раз кнутом, мигом резвой станет! Оттрахаем, снимем все, как надо! А с этим циркачом потом разбираться будем – без свидетелей.

– В другую комнату его, может?

– Пусть сидит, смотрит. Потом на том свете будет чего вспомнить.

Я сидел и тупо молчал. Не приходило мне в голову ничего подходящего, что мог бы я сказать в этой ситуации.

Бычары все еще возились. Может быть, супераппаратуру свою настраивали – простенькую видеокамеру под названием «Сонька»? Леха уже спустил трусы и стоял ко мне задницей – толстой, розовой, размера пятьдесят шестого. Девушка отчаянно дергалась на диване, пытаясь вырваться из веревок.

Леха щелкнул в воздухе кнутом. Дурным кожаным кнутом, купленным, вероятно, в магазине «Все для садомазохистов и онанистов». Вова пошел к видеокамере и заглянул в глазок.

– Пойдет, – сказал он. – Давай!

Мне стало совсем плохо. Я завозился, пытаюсь хоть как-то ослабить руки в чертовых браслетках. Я забормотал что-то вполголоса.

Я бормотал что-то. Я произносил какие-то слова, звучащие вполне осмысленно. Самое удивительное, что я этих слов никогда не слышал. И, тем не менее, я тихо, но четко выговаривал слова на незнакомой мне латыни.

Это звучало как заклинание. Или как молитва.

И, когда я произнес последние слова: «...Deo Volente! Sanctus! Amen!»⁴⁶, в наручниках, сковывающих меня, что-то тихонько звякнуло.

Они разомкнулись, эти наручники, и упали на пол.

Я сидел, не в силах пошевелиться. Потому что я был невероятно испуган. Кровь отлила от лица моего. Я никогда не встречался ни с чем сверхъестественным, я даже не верил в сверхъестественное. И вот теперь я сам, самостоятельно, прочитал заклинание, избавившее меня от цепей. И даже не знал, откуда оно взялось в моем съезжившемся от страха мозгу.

Знал. Знал, конечно. И, хотя мне больше пристало бы радоваться в тот момент, потому что руки мои были свободны, и я получил отличный шанс выжить, я с трудом дышал от страха.

Потому что это значило то, что мне вовсе не привиделись те двое людей в балахонах, и каземат, в котором я валялся на гнилых шкурах. Они существовали на самом деле – здесь, в Испании, много веков назад. И я каким-то образом в самом деле побывал там.

Девчонка заорала, как ненормальная. Я вздрогнул и снова вернулся к реальности.

Оказывается, бегемот Леха уже вытащил тряпку из ее рта и пытался засунуть туда что-то другое. Он уже начал свое кино. Судя по всему, он успел пару раз хлестнуть мою девушку плеткой, потому что на левой руке ее вспухали багровые полосы.

Я вдруг ощутил, насколько ясна моя голова – словно не были по ней сегодня чугунной кочергой. Я почувствовал, насколько легко и послушно мое тело.

Наступило время фаэны.

11

– Эй ты! – громко сказал я по-русски и под нялся на ноги. – Поросенок жирный! Повернись сюда!

Леха, казалось, поворачивался целый час. Долгий час растянутых секунд, утонувших в прибое адреналина. И я медленно делал свои пять шагов от камина – плыл в кричащей, напря-

---

⁴⁶ Волею Божьей! Свят! Аминь! (лат.).

женной тишине. И в тот момент, когда круглое свинячье лицо уставилось на меня круглыми от изумления глазами, оно встретилось с моим кулаком.

Наверное, мне нужно было сделать по-другому – бить его старательно, долго, с пыхтением, вымещая всю ненависть нормального Гомо Сапиенса к человекообразным скотам. К свиньям, попирающим копытами своими наше достоинство, и наш разум, заваливающим навозом своим ту грань, что отделяет человека от животного. Мне нужно было переломать ему кости, разбить коленом то, что он считал своим мужским сокровищем. Но в этот момент я был не просто самим собой. Я был кабальеро, я защищал честь дамы, и не мог опуститься до такого.

Мой удар – он был своего рода пощечиной, вполне крепкой. Потому что Леха полетел через всю гостиную, приземлился на стеклянный круглый стол, и рухнул вместе с ним на пол, расколотив его на тысячу осколков.

И в тот же момент я был сбит с ног. Я совсем забыл про другого двуногого, про Вову. Он бросился на меня, как борец сумо, всей своей полутарацентнеровой тушей. Я упал навзничь, треснулся бедной своей спиной о твердые плиты пола. И полтораста килограммов вонючего, свинячьего мяса и сала шлепнулись на меня сверху, выбив дыхание.

Он возился на мне, пытаясь добраться до моего горла. Хотел задушить меня, гаденьш. И я никак не мог скинуть его – слишком уж он был тяжелым. Я пытался выпростать руки свои из-под этой туши, а он не давал мне сделать это. Он сжимал мои руки коленями, он потихоньку полз вперед и скоро уже сидел на моей груди. Наверное, он когда-то занимался борьбой. А почему бы и нет? Не всегда же он был таким жирным? Многие быки начинают свой путь с занятий спортом.

И в тот момент, когда он добрался-таки пальцами до моей глотки, я вытащил одну руку из-под него – правую. Этого было достаточно.

Его передние конечности упирались в мою шею. Он пыхтел, стараясь отжать мой подбородок от груди. Я вынес свою свободную руку вперед, и ударил локтем по его рукам.

Есть такой прием. Я долго разучивал его, когда был в армии, а теперь впервые применил на практике. Это хороший прием, потому что основан на законах физики.

Руки его согнулись от моего удара, и он полетел лицом прямо на меня. Я нагнул голову вперед и нос его встретился с моим лбом – с размаху.

Кто не знает – могу проинформировать: лоб по твердости значительно превосходит нос. Так что я не пострадал. Чего нельзя сказать о Вове. Если б нос его был подлиннее, он выскочил бы с другой стороны его дубовой головы. А так он просто вдавился с хрустом. Вова хлюпнул кровью, глаза его закатились и он начал медленно сползать с меня.

Я помог ему, поддал коленом, и он грузно шлепнулся на пол. Не знаю – был ли он в сознании? Какая, в конце концов, разница? Есть такая категория людей, которая проводит всю жизнь, не приходя в сознание – он был как раз из таких. Лежал себе тихо, дышал громко ртом, и ладно.

А я поднялся. Поднялся с большим трудом, потому что после этого падения я уже не ощущал легкости в теле, и нога у меня плохо двигалась. А на шее, наверное, были кровавые царапины от вовиних грязных ногтей. Словом, я получил сегодня свое сполна. И справедливо полагал, что с меня хватит.

– Привет, – хрипло сказал я. – Я же предупреждал тебя, глупая ты девчонка, что эти двое иностранцев – *bandidos* и *bastardos*.

– Извини. – Она прятала взгляд. Наверное, неудобно ей было, что она оказалось такой глупой. А может быть, стеснялась оттого, что сидела передо мной, раздвинув ноги, в таком несколько экзотическом костюме, и не могла пошевелиться. – Ты что собираешься делать? Может быть, это... Ты хочешь меня? Прямо сейчас?

– Ты еще глупее, чем я думал, – пробормотал я и зашарил взглядом по комнате, пытаясь найти что-нибудь острое, чтобы перерезать веревки.

Всегда так. В уме придумываешь какие-то высокие фразы, чуть ли не стихами говоришь. А произносишь первые слова – и вот она, тупость и банальщина. Наверное, оскорбил девушку. Но и она тоже хороша! Конечно, я хотел ее, она ясно видела это. Это нельзя было бы скрыть даже тремя парами ватных штанов. А что я мог поделать? Она действовала на меня как болезнь. Я с трудом контролировал себя.

Хоть бы ножик завалился в этой чертовой гостиной! Ничего подходящего!

Ага, вот! Две моих бандерильи лежали в углу. Наконечники их имели не слишком острые грани, но все же возможность перепилить веревку была. Я взял обе, и пошел к моей девушке.

– Не бойся. Тыкать в тебя этими пиками не буду. Надо перерезать веревки и уходить отсюда. Пока твои свиньи не очухались.

– Спасибо... – едва слышно прошептала она.

12

И все же это был еще не конец истории. Если вы думаете, что на этом все кончилось, вы ошибаетесь.

Один раз я был свидетелем такого – на корриде. Я был свидетелем того, как тореро, уже уложивший своего последнего быка, уже предвкушавший роскошный обед в обществе друзей и подружек, получил удар рогом под ребро.

Он оказался жертвой своей самонадеянности. Потому что бычок, вроде бы уже совершенно мертвый, вдруг поднялся на ноги, и пырнул его, торжествующего тореадора, стоящего с воздетыми вверх руками и снисходительно принимающего рукоплескания трибун.

Его унесли с арены, того тореро. Я не знаю, умер ли он. Бык проткнул его насквозь, а я, как видите, пока жив. Хотя, по всем законам логики, давно должен кормить червей.

Я стоял на коленях перед моей девушкой. Я только что перерезал последнюю веревку. Я уже думал, в какой хороший магазин отвезти мою даму, чтобы купить ей новое платье взамен разорванного. И вдруг я увидел, как глаза ее округляются.

Она увидела что-то там, сзади меня, такое, что привело ее в ужас.

Я еще не успел повернуться. Моя голова, конечно, начала движение туда, по направлению к источнику опасности. Но я уже знал, что это за опасность. Бык по имени Леха – я не добил его. Не добил, потому что был плохим тореро. Я просто отправил его в аут и успокоился. А он ожил.

Вероятно, мне уже приходилось убивать людей. Я и сам точно не знал, убил ли я кого-нибудь. Мне не повезло четырежды – я попадал в Карабахе в такие заварушки, где был только один выбор – убивать или быть убитым. Четыре раза мой взвод влетал в засаду – не так уж и мало для года службы. Но тогда неясно было – сам ли ты убил этого человека, или кто-то другой из твоего взвода? Потому что автоматные очереди грохотали со всех сторон, лупили по барабанным перепонкам, заставляя втягивать голову в плечи, и пули выбивали твердые осколки из камней, за которыми ты прятался. И ты стрелял – сперва в белый свет, а потом, уже по привычке, стрелял более осмысленно, целился в черные фигурки, которые перебежали от камня к камню, и кто-то из них валился, и кто-то из наших падал, схватившись за развороченный живот и беззвучно матерясь белыми губами...

А потом они лежали рядком на твердой земле. И солнце палило, и все смотрели на них, и все что-то шептали почти неслышно. Может быть, молились, хотя мы были комсомольцами и молитв нам не полагалось. И мухи появлялись – первые черные мухи, откуда-то они всегда узнавали, что пришла смерть и есть новая еда для их личинок. А мертвые лежали рядком – наши и чужие. Убитые. И наших всегда было меньше. А чужих больше, намного больше. Ведь не зря же нас учили убивать. Убивать мы умели лучше. Тогда, за много лет до позорной войны

в Чечне. Чужих убитых было больше, и это почти наверняка означало, что кто-то из них убит моей пулей. Убит мною...

В конце концов, я поймал свою пулю. Может быть, камень, за который я упал, был слишком мал. А может быть, я слишком уверовал в свою счастливую звезду и не вовремя высунул глупую голову, чтобы лучше видеть, куда стреляю...

Вот о чем я, наверное, думал в ту долю секунды, пока поворачивался навстречу опасности. А может, и не думал. И, даже скорее всего, не думал, потому что не было времени подумать обо всем этом.

Я просто поворачивался и видел уже боковым зрением, что бык действительно ожил, и даже стоит, расставив ноги, как агент ФБР из какого-то сериала, и держит обеими руками пистолет, смотрящий прямо мне в лоб. И даже мысль успела судорожно мелькнуть – не может быть такого, откуда у быка этого пистолет, не может быть такого здесь, в Испании, куда просто так не провезешь оружие, и получить лицензию на ношение оружие этот дебил, конечно, здесь не может...

А руки мои уже знали. Знали, что это – самый настоящий пистолет, и совсем неважно, откуда он взялся. Руки мои знали, и действовали совершенно независимо от меня, самостоятельно они действовали. А, может быть, и не самостоятельно, только вот командовал ими теперь не я, а кто-то другой свыше. Во всяком случае, мне хочется верить, что это был кто-то свыше.

И в тот момент, когда я завершил свой поворот и увидел зрачок ствола, и дьявольское пламя, вырвавшееся из этого зрачка, потому что бык уже нажал на курок, чтобы убить меня и разрушить мой мир, в этот самый момент руки мои успели вытянуться вперед меня и вытянуть передо мной две мои бандерильи, которые они держали в своих пальцах.

Руки мои скрестили бандерильи и составили крест из двух мохнатых, желто-оранжевых палок.

А губы мои вдруг произнесли слово. Это было очень короткое слово, один лишь звук, и я никогда не слышал его доселе. Я не запомнил его тогда, к сожалению. Но я сказал это слово – едва слышно.

И пуля остановилась. Она тукнула в перекрестье моих бандерильи, но силы у нее уже не было. Она упала на пол, как обычный сплюснутый шарик из металла и покатила под диван.

Бык Леха уже снова давил на спусковой крючок своего пистолета. Он даже успел нажать на него. Но вторая пуля полетела в потолок. Потому что я метнул свои бандерильи – обе сразу, как бандерильеро кидает их в быка. Они коротко взвизгнули от радости, мои палки. Они вошли в бычью плоть обе одновременно, как стая пираний атакует свою добычу. Они воткнулись в грудь бычиного человека, они не проткнули его, но опрокинули на спину. Бросок был очень сильным. Это был бросок профессионального жонглера, который втыкает ножи в дерево с расстояния пятидесяти метров.

А дальше я опять сделал что-то непонятное. Я не подскочил к поверженному быку, и не добил его шпагой, и не отрезал ему уши в знак своей победы. Я вообще не смотрел на него больше. Вместо этого я схватил свою девчонку в охапку и потащил ее на балкон.

Я не помню, как я вытащил ее из этого дьявольского дома, как спускался, держа ее на плече, по ломающейся под ногами лестнице, как перемахнул вместе с ней через ограду, и как пули осатаневшего от ярости и все еще живого быка свистели вокруг нас. Потому что очнулся я в тот момент, когда мы уже летели на моем скутере по шоссе. Она сидела сзади меня, прижалась ко мне, обхватила меня руками, чтобы не слететь на полном ходу на дорогу. Меня мотало по дороге, как пьяного.

– Стой! – Я вдруг понял, что она кричит мне прямо в ухо. – Ты с ума сошел?! Остановись, ты убьешь нас обоих!

Я сделал резкий вдох – мне показалось, что я совсем и не дышал с тех пор, как начал свое безумное бегство. Я осторожно начал сбавлять скорость. Я оглянулся вокруг. И, конечно, увидел то, что и следовало ожидать в такой ситуации.

Машины притормаживали, объезжая нас. Водители таращились из окон, едва не теряя контроль над управлением. Кое-кто даже гудел и махал нам из окна рукой. И было отчего – моя девчонка сидела за моей спиной абсолютно голая, если не считать кожаных трусиков, которых почти и не было. Один сплошной вырез.

– Может быть, ты все-таки остановишься? – Она прекратила орать, и говорила теперь убийственно ледяным тоном. – Мне нужно что-нибудь одеть. Мне не нравится, что половина Испании таращится на мою голую попу.

Я остановился.

– Там, в сумке, камзол, – сказал я, не глядя на нее. – Одежда, в которой я выступаю. Достала его? Одевай.

– Он потный!

– Одевай. Сейчас мы заедем куда-нибудь и я куплю тебе одежду.

Она молча плюхнулась на сиденье и обняла меня сзади. Камзол мой бархатный, шикарный, вонючий, все-таки одела. Все же лучше, чем ничего.

В город заезжать мне не хотелось, слишком экстравагантный был вид у моей девушки. Пожалуй, так и на полицию нарваться можно.

Мне повезло, на ближайшей автозаправке был небольшой магазинчик. Я остановился. Народу здесь не было, только парнишка у колонки близоруко таращился на нас, очевидно, соображая, не галлюцинации ли у него начались.

– Подожди здесь, – сказал я. – Сиди на скутере, не вставай. Тебе лучше не вставать. Камзол короткий, сразу все видно...

Она молчала.

Я зашел в магазинчик, и, не выбирая, купил майку и девчоночьи брюки-слаксы. Хотел купить трусики, но передумал. И так уж продавщица, тетка лет пятидесяти, смотрела на меня с подозрением.

– Грасьяс, – пробормотал я. – Можем мы воспользоваться вашим туалетом, сеньора?

– Да, – хрипло сказала женщина. – Туалет открыт. Может, вы все-таки купите нижнее белье вашей девчонке, *hombre*⁴⁷? Она одета во что-то странное.

Я поглядел в окно. Девчонка моя все-таки встала, и стояла теперь во всей красе, да еще и камзол расстегнула – для вентиляции, наверное. *Put a madre*.

– Спасибо, не нужно. – Я схватил одежку и вылетел из магазина чуть ли не бегом.

– Что ты делаешь?! – зашипел я и схватил ее за руку. – Ты ведешь себя, как...

– Ты купил? – Она вырвалась. Улыбалась так, что я чуть с ума не сходил. – Ты все еще хочешь меня, тореро? Давай одежду.

– Вот... – я сунул ей сверток. – Слушай, тут не все, конечно, но мы сейчас поедem и купим... Можешь переодеться в туалете, он открыт.

– Ага. – Она стащила с себя мой камзол и бросила на мотороллер. – Да, вот еще что... Не обижайся на меня. Спасибо тебе, правда! Ты – замечательный.

Она обняла меня за шею и поцеловала. А потом пошла к туалету. Я смотрел на нее со спины и обалдело хлопал глазами. Голова моя кружилась. Походка у нее была, как у супермодели. И попка... *Dios*⁴⁸...

Она захлопнула за собой дверь. А я медленно опустился на землю, сел прямо на бордюр, потому что стоять уже не мог.

---

⁴⁷ Дружище (исп.).

⁴⁸ Боже... (исп.).

Я сидел, и смотрел, как идиот, на дверь этого злосчастливого туалета, на которой висела табличка «Privado»⁴⁹. Не мог глаз оторвать. Я представлял, как она сейчас там умывается, и переодевается, и делает что-то еще... И я знал, что пройдет минут пять, и она выпорхнет – такая красивая, что сердце мое снова даст перебой, и скажет: «Привет, тореро. Как тебя зовут? Мигель? Здорово! Поехали, Мигель»...

А еще я почему-то вспоминал то место, в котором очнулся, когда получил кочергой по голове. Не хотел вспоминать, но все же вспоминал этот смрадный каземат и двух людей, которые рассматривали меня, валяющегося в углу, как выходца из другого мира. Вспоминал двух людей, которые не дали мне умереть сегодня. Которых не могло существовать и которые все же существовали. Я вынужден был признать это. Потому что крест, составленный из двух бандериллий и короткое заклятие из одного слова остановили пулю. Это нелегко – остановить пулю. И если пуля расплющивается о деревянную палку, то это уже колдовство. А что же иначе?

И вот что еще... Если верить словам Фернандо де ла Круса, преподаннейшая ситуация, в которой я имел счастье побывать сегодня, была только цветочками по сравнению с тем, что мне предстояло в будущем. Я, оказывается был каким-то Клавуsom, и место, где мне предстояло выполнить свою, неизвестную мне самому миссию, называлось «La Puerta del diablo».

Не очень-то приятное название, смею заметить.

– Простите, сеньор... – Кто-то дотронулся до моего плеча и я чуть не заорал от неожиданности. Это была та самая матрона из магазина, может быть, владелица этой заправки, или жена владельца. Взгляд у нее был начальственный. – Ваша девушка... она не заснула там? Она находится там уже двадцать минут. Это частное заведение, и вы не можете...

– Да, да, конечно... – я заулыбался извинительно, вскочил на ноги. Задумался снова, кремлевский мечтатель. – Эй! – Я деликатно постучал пальцем по двери. – Ты скоро... дорогая?

Черт побери. Я даже не узнал, как ее зовут.

Ответа не было. Только звук текущей воды.

Я испугался. Я потянул дверь на себя. Она бесшумно открылась.

В туалете никого не было.

Там было окно в задней стене туалета. Квадратное окно, довольно большое. И оно было распахнуто. Моя девушка, моя прекрасная дама, из-за которой я сегодня чуть не лишился жизни и попал в странную мистическую историю, сбежала от меня.

Кожаные трусики висели на светильнике. Я тупо сорвал их и сунул в карман.

– Это что еще такое?! – сварливый голос сеньоры раздался из-за спины. – Она взяла мою помаду! И измазала зеркало! Que escandalo!⁵⁰

Только теперь я увидел надпись на зеркале, расплывающуюся большими кровавыми буквами.

«ПОЧЕМУ ТЫ НЕ УБИЛ ЭТИХ БЫКОВ, ТОРЕРО?» – было написано там.

---

⁴⁹ Частный (исп.).

⁵⁰ Какое безобразие! (исп.).

ЧАСТЬ 2

ПОЛЫНЬ В СЕРДЦЕ

1

Я думаю, теперь вы начали потихоньку разбираться, что к чему, и что это за девушка такая, о которой я думал утром того дня, который называю «Днем Дьявола». Впрочем, я думал об этой девушке не только тем утром, теперь я думал о ней постоянно. Я думал о том, кто она такая, и как ее зовут, и почему так странно она себя вела, и почему сбежала от меня. Я сам придумывал ей имена – каждый день новое, и сам сочинял ее биографию, и сам разговаривал с собой от ее имени. Она жила день и ночь в моем воспаленном воображении, и в то же время я совершенно не представлял, где ее искать, и увижу ли я ее когда-нибудь еще в своей жизни.

Короче говоря, она стала моей навязчивой идеей. Сами понимаете, это не очень хорошо – иметь в голове навязчивую идею. Это разбивает вашу свободу к чертовой матери. Но я ничего не мог с собой поделать. Она выбила меня из колеи, эта красивая девчонка. Выбила из колеи даже больше, чем пара недобитых мной русских быков и загадочное видение, посетившее меня, пока я валялся в отключке.

Я, конечно, пытался найти ее. В первые недели я таскался каждый день на ту площадь, где в первый раз увидел ее. Само собой, ее там не было. Я не работал там, на этой площади – я не мог там работать, чтобы не примелькаться. Я просто сидел и пил. Честно говоря, после того дня пить я стал очень много, старался растворить свою депрессию в литрах спиртного. Ничего хорошего, разумеется, из этого не выходило. Я просто сидел час за часом за тем самым столиком, на том самом стуле, на котором когда-то сидела она. Я даже сделал специальную пометку на этом стуле, и, если он переключивался куда-нибудь за другой стол, находил его и с извинениями возвращал обратно. Я сидел на этом стуле, и поглощал все, что можно выпить, без разбора. Я тупел, но тоска моя не становилась от этого слабее. Она грызла мое сердце, как голодный пес обгладывает кость, найденную на помойке. Иногда я забывался, и стонал от этой боли, и люди за соседними столиками оглядывались на меня. На лицах их было написано сочувствие.

Как видите, я заболел. У меня была болезнь под названием «неразделенная любовь». И конечно я думал, что это – смертельно и неизлечимо. Я вовсе не собирался подышать, но чах на глазах. Жить мне стало неинтересно.

Один раз я даже познакомился с двумя девчонками, хорошенькими голландками, лет двадцати, каждая чуть ли не выше меня ростом. Светловолосыми студенточками. Вернее, они познакомилась со мной. У меня были единственные свободные места за столиком и они приземлились туда. Они были замечательными, эти девушки. Они щебетали, как птички. Они стащили меня с просиженного стула и повезли к себе. Они пытались сбить мою депрессию, как сбивают температуру. Кажется, я им понравился, хотя и не представляю, кому я мог понравиться в таком сопливом состоянии. А может быть, они просто жалели симпатичного хмурого парня. Я сказал им, что я – тореро, и меня выгнали с работы, потому что я не смог убить двух быков. Мне было хорошо с ними, только я ничего не мог сделать в ту ночь. Мы просто сидели, и пили что-то, и трепались, и целовались почти по-дружески, а утром я проснулся с ними в одной постели. Я тихонечко вылез, оделся, и пошел домой. Мне было стыдно пред ними, потому что они меня хотели, а я их – нет.

Кстати, тогда я вспомнил фразу, которую моя девчонка, моя любимая хулиганка, написала на зеркале. «Почему ты не убил этих двух быков, тореро?»

В самом деле, почему?

Для меня было совершенно ясно, почему я не убил их, хотя мог это сделать без особого труда. Потому что я вовсе не собирался никого убивать. Все-таки они были людьми, а я – не убийца. Я очень мирный и порядочный человек, между прочим. Непонятно для меня было другое. Почему она, моя девушка, моя прекрасная дама, хотела, чтобы я их убил?

Наверное, она была еще слишком юна, и не понимала ценности человеческой жизни. Они жестоко обидели ее, и, с ее точки зрения, заслуживали сурового наказания. Смерти...

Нет, не так все это было. Что-то подсказывало мне, что совсем не проста была моя девушка. Она была искушена жизнью гораздо больше, чем мне бы этого хотелось. И истинных мотивов ее поведения я понять не мог. Не мог, и все тут. Наверное, слишком туп был.

Дьявольское наваждение – вот что все это было. Правы были эти двое – де ла Крус и де Балмаседа.

Это были проделки Рогатого.

2

Я был болен – уже сказал, какой болезнью. Но, оказалось, что болезнь эта – хроническая. И, как у любого хронического заболевания, бывают у нее периоды обострения и светлые промежутки. Поэтому напрасно я боялся умереть. Наметились у меня скоро признаки улучшения состояния.

Началось это тогда, когда кончились деньги. За три недели я благополучно пропил все, что заработал и отложил за последние полгода. Я остался на мели. Жрать же мне по-прежнему хотелось, несмотря на неизлеченную любовь.

Что ж, болен – не болен, а работать надо. Снова я достал свои шарики, и кастаньеты, и бандерильи, количество которых уменьшилось на две, и прочие причиндалы. Я даже постирал свой камзол. И пошел на улицу – жонглировать.

Хотя душа моя была больна, тело чувствовало себя довольно неплохо. Несмотря даже на трехнедельное неумеренное употребление алкоголя. Оно прекрасно управлялось со своей работой, мое тело. Оно жонглировало с каждым днем все лучше.

И однажды случилось то, что давно должно было случиться. Я нашел работу. Вернее, она сама нашла меня.

Я отработал тогда свой номер с бандерильями. С блеском. Все зрители бросили жевать свою паэлью и смотрели на меня, а когда я поймал бандерилью зубами, все дружно заорали от восторга. Открытое кафе, в котором я выступал, находилось за городом. Оно стояло около большого шоссе. Здесь было два десятка столиков и все были заняты, потому что кормили в этом заведении хорошо.

Я прошелся между столиками и собрал свою жатву – довольно скромную, правда. Особенно с учетом того, что мне предстояло «отстегнуть» бабки хозяину этого кафе. Только один господин неожиданно положил в мою коробку неплохую купюру.

– Подойдешь потом ко мне, мучачо⁵¹, – сказал он. – Поговорить нужно.

И посмотрел на меня внимательно, оценивающе. Ощупал глазами с головы до ног.

О чем он собирался со мной говорить? Черт его знает. Сперва я решил, что он – один из тех богатых гомосексуалистов, которые твердо уверены, что за свои деньги могут купить любого парня. И в этом случае разговор у меня с ним был бы короткий – я бы вежливо послал его на три буквы. Я много чего попробовал в своей жизни, но однополый любви не пробовал. И пробовать не собираюсь.

---

⁵¹ Парень (исп.).

Я ходил и собирал свои деньги, затем разговаривал с хозяином заведения, толстым Мартинесом, а сам незаметно поглядывал в сторону этого господина. Я прикидывал, стоит ли к нему вообще подходить, или лучше незаметно улизнуть на мотороллере, от греха подальше.

И все же я решил подойти к нему. Гомосексуалистом он не был, в этом я готов был поклясться. Было этому господину лет около сорока пяти и выглядел он, как типичный macho⁵². Я, между прочим, ничего не имею против мужиков, выглядящих как мачо. Я даже сам хотел бы выглядеть таким пижонистым самцом, только денег у меня для этого маловато. Потому что, если ты, поддавшись соблазну мачизма, пойдешь в дешевый магазин и купишь там что-нибудь а la Антонио Бандерас, то будешь выглядеть соответственно – как дешевый поддельный Бандерас.

Этот выглядел, как настоящий дорогостоящий мачо. Он сидел, положив ногу на ногу. Он откинулся на спинку синего пластикового кресла и курил сигару. Не толстую длинную «Гавану», которыми смачно чадят американцы. Он курил тонкую испанскую сигару – дорогую, с хорошим душистым табаком. Он выпускал дым тонкой струйкой, создавая вокруг себя аристократическую атмосферу. На нем была ослепительно белая рубашка с воротничком-стойкой и двумя рядами маленьких пуговиц из черепахового панциря. На нем были черные брюки, выглаженные, безукоризненно подогнанные в талии, с широким поясом. А на ногах у него были черные узконосые туфли с тонкой подошвой, сделанные из лаковой кожи, настолько отполированные, что в них отражалась половина Испании.

Волосы у него были смазаны бриолином и зачесаны назад – волосок к волоску. Небольшие бакенбарды. И, разумеется, тонкая щеточка усов – как фирменный знак законченного мачизма в его североиспанской разновидности.

Я подошел к нему.

– Садись, амиго⁵³, – сказал он, качнув ногой и показав мне сигарой на кресло. – Раздумываешь? Я вижу, ты раздумываешь, зачем я тебя позвал? Не окажусь ли я богатым педерастом и не предложу ли тебе денег за твою невинную задницу? Об этом ты думаешь?

– Да, – ответил я и плюхнулся в кресло.

– Ну, и что ты скажешь на этот счет?

– Вы – не maricon, – сказал я. – Это видно невооруженным глазом.

– Спасибо за комплимент! – Он захохотал, и сразу стало видно, какие у него хорошие, ровные и белые зубы. – Что будешь пить?

– Я за рулем, – скромно ответил я.

– Тогда пиво.

– Виски.

– Ого... – Брови его чуть-чуть поднялись вверх. – И какой же виски ты предпочитаешь, амиго?

– Шотландский blended, – сказал я. – Chivas Regal. Предпочтительно – «Королевский салют». Неплохое пойло, двадцать один год выдержки.

Я назвал самый дорогой сорт виски, который знал. Сам я его, конечно, никогда не пробовал. Но почему бы не хлебнуть глоточек на халяву?

– Хм... – Мужчина озадаченно качнул головой. – Ты хоть представляешь, сколько стоит это твое пойло?

– Точно не помню. Баксов двести пятьдесят за бутылку. Недорого, конечно. Просто я думаю, что в этом заведении вряд ли найдется что-то более дорогое и приличное.

– Понятно, – мужчина снова улыбнулся. – Samarero, – подозвал он официанта. – Принесите-ка нам пару виски. «Королевский салют» у вас есть?

---

⁵² Мачо – «самец», «щеголь» (исп.).

⁵³ Друг (исп.).

– Боюсь, что нет. – Парнишка-официант извинительно осклабился. – Это слишком дорогой сорт для нашего заведения. Могу предложить вам «Джонни Уолкер».

– Давайте. На ваше усмотрение. – Мой незнакомец снова затянулся сигарой и уставился на меня. – Меня зовут Габриэль Феррера. А вас как, уважаемый ценитель виски?

– Мигель Гомес, – я протянул руку. – Будем знакомы.

– Ты – иностранец, Мигель? Из какой ты страны? Португалец?

– Я – из России, – сказал я.

– Ты – русский? Настоящий русский?!

Почему-то всегда так. Стоит сказать кому-нибудь, что ты из России, и на тебя начинают смотреть, как на инопланетянина. Это «новые русские» нам репутацию подпортили. Никто теперь не может поверить, что русский может быть нормальным, хорошо говорить на испанском, не иметь в кармане пачку долларов, перетянутую резинкой, и не держать пальцы врасстопырку.

– Я – полуиспанец-полурусский, – сказал я. – И у меня есть вид на жительство.

– Это хорошо. – Феррера потер пальцем подбородок, что-то рассчитывая в уме. – Это совсем неплохо.

– Неплохо? Что – неплохо?

– Хорошо, что ты полукровка. Полукровки – они талантливые. Я и сам – полукровка. Папа из Валенсии, а мама из Мадрида. – Феррера захохотал над своей шуткой, понятную только долбанутым испанцам. – И вид на жительство – это совсем неплохо.

– Por salud!⁵⁴ – торжественно произнес я, поднял стакан и выпил свою порцию виски одним глотком. Феррера посмотрел на меня, как на умалишенного. – Еще виски! – показал я палец официанту. – Господин Феррера, мне очень нравится сидеть тут с вами, в вашей компании и пить за ваш счет. Но, к сожалению, я испытываю сейчас некоторые финансовые трудности, и поэтому вынужден постоянно работать. Мне придется покинуть вас минут через пятнадцать, и мне бы хотелось выяснить, в чем состоит ваше дело ко мне. Так сказать, gist of the matter⁵⁵.

– Так, – произнес он. – Ты говоришь еще и по-английски. Это тоже хорошо.

– Это просто замечательно!

Он уже начал доставать меня своими «хорошо» и «неплохо». Я решил, что сейчас тяпну свой второй виски – залпом. И поеду.

– У тебя есть медицинская страховка?

– Есть, разумеется. В принципе, она мне не особенно нужна. Я никогда не болею.

Вот оно что. Он, наверное, страховой агент. Попытается мне сейчас всучить какую-нибудь разновидность медицинской страховки с суперскидками. Тоже мне, нашел клиента – полунищего жонглера с видом на жительство. Я был о нем лучшего мнения.

– Я имею в виду другое. Не болезни. У тебя очень рискованный номер с этими бандерильями. Когда-нибудь ты все-таки зазеваешься и захлопнешь свою пасть на полсекунды позже, чем полагается. И тогда ты будешь похож на барашка на вертеле. Тебе понадобится хорошая медицинская страховка.

– В этом случае мне понадобится хорошее место на кладбище. У вас нет недорогого местечка на кладбище про запас, сеньор Феррера? Я бы оплатил авансом.

– Я не страховой агент, – сказал Феррера. – Между прочим, ты мог бы быть со мной повежливее. И оставь свои не слишком умные шутки, потому что я хочу предложить тебе работу.

– Какую?

---

⁵⁴ За здоровье! (исп.).

⁵⁵ Суть дела (англ.).

Не могу сказать, что я подпрыгнул от радости. Потому что мне часто предлагали работу. Узнав о том, что я – безработный, и еще не гражданин Испании, мне предлагали работу. Разумеется, без официального оформления. Это хороший способ сэкономить деньги – нанять парня-иностранца за треть цены, и заставить его пахать, как Папу Карло – строителем, или сезонным рабочим на винограднике, или мыть посуду и убираться в баре. Меня это не интересовало.

– Ты был когда-нибудь в Парке Чудес?

– Да.

– Я – менеджер. Я работаю в этом парке, и могу предложить тебе там неплохую работу.

– Господин Феррера, – я говорил очень серьезно. – Я иностранец, но через некоторое время надеюсь стать гражданином Испании. Я не хочу иметь неприятности с административным отделом по делам иностранных граждан. Поэтому меня может устроить только официальная работа, совершенно законно оформленное рабочее место.

– Ты и так скоро будешь иметь неприятности с административным отделом, – проворчал Феррера. – Если бы ты тренькал на гитаре, или рисовал углем портреты, это бы еще куда ни шло. Но твой убойный номер с бандерильями – это маленький вулкан, на котором ты сидишь голой задницей. Он слишком заметен. Я уже слышал о тебе от половины Барселоны, Мигель, в том числе от нескольких полицейских. Счастье твое, что эти полицейские – твои тайные поклонники. Они в восторге от твоего номера и закрывают глаза на то, что ты работаешь нелегально. Но когда-нибудь ты напорешься на какого-нибудь принципиального осла. И, как минимум, останешься без этой работы. А как максимум...

– Я уже напарывался, – сказал я.

– Фернандес? Каброн Фернандес?

– Да.

– Понятно... – Феррера провел пальцем по своим тонким усикам, словно проверяя, не изменили ли они свою идеальную форму. – Ты уже понял, Мигель? Я слышал о тебе. И специально нашел тебя. Нашел, чтобы предложить тебе работу. Ты будешь работать у нас, в Парке Чудес. Жонглером. И будешь показывать свой номер с бандерильями.

– Я буду оформлен официально?

– У нас работает много иностранцев, Мигель. И все, кто выступает с какими-либо номерами, работают на совершенно законных основаниях. И если бы хоть один из них работал нелегально, я бы давно вылетел со своего места, и ходил бы сейчас не в брюках от Verri, а в дырявых грязных джинсах – как ты.

– Я куплю себе такие же. – Я посмотрел на брюки Габриэля с обожанием. – С первой полочки.

– Твоей первой полочки на такие не хватит. – Феррера смахнул с атласной ткани несуществующую пылинку. – Это эксклюзив. Но одеться более или менее по-человечески ты сможешь. Я подскажу тебе, где.

– Но... – Я колебался. – Парк Чудес довольно далеко от Барселоны – сотня с лишним километров. Мне неудобно будет ездить каждый день туда на поезде. И дорого.

– Ты снимаешь здесь квартиру?

– Да.

– Снимешь квартиру там. В ближайшем городке, в Ремьендо⁵⁶. Там живет большинство наших сотрудников. Мы поможем подобрать тебе недорогую квартиру.

– Секундочку... Дайте подумать...

Я все еще сомневался, глупец, и причина была проста. Я не хотел уезжать из Барселоны, потому что все еще надеялся встретить здесь девушку. Мою девчонку, которая сбежала от

---

⁵⁶ Название города вымышлено автором.

меня. Искать ее здесь, в огромнейшем городе было все равно что искать иголку в стоге сена. Но я еще недостаточно выздоровел, и поиски эти были одним из симптомов моей болезни. Психического расстройства под названием любовь.

– Извини, я чего-то не понимаю... – Феррера наконец-то допил свой виски. – Ваша Светлость хочет жить только в Барселоне? Вашему Сиятельству катастрофически будет не хватать рева машин за окнами? И Ваше Высочество не сможет заснуть спокойно, если хотя бы раз в день не посетит комплекс Гауди и не положит цветы к памятнику Колумба? Конечно, этот вопрос можно уладить. Я думаю, руководство нашей компании сможет присылать каждый день «Роллс-Ройс» к подъезду вашего дворца. Чего не сделаешь, чтобы заполучить такого выдающегося жонглера...

– Извините, я – осел, – быстро сказал я. – Я согласен. Я перееду из Барселоны, ничего страшного.

Я решился. Просто в голову мне пришла новая мысль – не менее бредовая, впрочем, чем все предшествующие. Я подумал о том, что в Парке Чудес я смогу встретить свою девушку с большей вероятностью, чем в распухшей от перенаселенности Барселоне. Парк Чудес посещает огромное количество испанцев, они едут туда со всей страны. Правда, это в основном дети и их родители. Но почему бы моей девушке не съездить в Парк Чудес хотя бы раз в год? Это вполне вероятно, особенно, если она живет где-то в этой части Испании.

– Я согласен, – сказал я.

– О Боже мой! – Габриэль Феррера воздел руки к небесам. – Невероятно! Он согласен! Надо устроить грандиозный банкет по этому поводу! И карнавальное шествие с голыми девочками!

– Когда можно к вам подъехать? – Я боялся ляпнуть лишнее слово, чтобы не спугнуть этого изумительного Габриэля Ферреру. Я уже готов был молиться на него и клял себя за тупость и капризность.

– Сейчас. Сейчас и поедем.

– Но у меня скутер... У вас, наверное, хорошая машина, сеньор Феррера. Я не угонюсь за вами на своем «ослике», сеньор Феррера.

– За моей машиной не угонится и самолет, – Феррера гордо выдохнул дым тонкой струйкой в потолок. – Поехали. Твой скутер кинем ко мне в багажник.

– Скутер? В багажник? – Я был слегка потрясен. Что же это за машина такая, в багажнике которой может уместиться мотороллер?

– Пойдем. Увидишь.

Габриэль Феррера кинул деньги на блюдечко, на котором лежала бумажка со счетом, и мы отчалили.

Потом уже, когда мы пилили с крейсерской скоростью по автостраде в машине Ферреры, оказавшейся огромных размеров джипом, я спросил его:

– Кто вы, господин Феррера? Почему вы так добры ко мне? Кто вас послал ко мне? Небеса?

– Ага. Лично святые Петр и Павел. Выписали мне командировку. – Феррера повернулся ко мне. – Слушай, Мигель, ты ведь живешь здесь уже достаточно давно. Какого ты мнения об испанцах?

– Очень хорошего. Испанцы – замечательные люди.

– Так вот, я – типичный испанец. Честно говоря, мне позвонил твой дядюшка Энрико – которого, я думаю, ты считаешь занудным старикашкой. Он очень обеспокоен твоим поведением, Мигель. А ведешь ты себя, как идиот. Ты мечтаешь о испанском гражданстве, а сам делаешь все, чтобы это гражданство не получить. Ты работаешь нелегально, и при этом нагло светишься в самом центре Барселоны. У тебя уже были неприятности с полицией. К тому же,

ты – русский! Ты знаешь, какая репутация здесь у русских? Я не знал, что ты – русский. Энрико не сказал мне. Я думал, ты португалец. У Гомесов много родственников в Португалии.

– Я не русский, – упрямо сказал я. – Я – испанец.

– Какой ты испанец?! – Феррера хлопнул ладонью по рулю. – Ты даже не представляешь, какой ты русский! Только со стороны это можно понять. Я, кстати, не говорю, что это плохо. Я люблю вас, русских. Я читал Чехова, и у меня есть пара русских друзей – это замечательные люди, потрясающие интеллектуалы. Но дело совсем не в этом. Кем бы ты ни был, свои шансы на получение гражданства ты значительно подпортил. И, если бы не твои занудные дядюшки-католики, и не твой братец Эмилио, человек с большими связями, тебе давно могли бы предложить покинуть эту страну.

– Извините... – Уши мои горели от стыда. Что бы еще сказал Феррера, если узнал бы о моей дикой выходке со вторжением в дом тех двух быков? – Дяде Энрико я обязательно позвоню, поблагодарю его. Я съезжу к нему в гости. Он любит меня, я знаю...

– Энрико ничего не говори. – Феррера усмехнулся. – Он не хотел, чтобы ты знал, что он просил помочь тебе. Видишь ли, он мечтает, чтобы ты занялся какой-нибудь *приличной* работой. Но, поскольку ты ни на что больше не способен, кроме как метать свои кастаньеты, он, скрепя сердце, согласен и на это. Только негласно. Не выдавай меня, Мигель, когда наведишь своего дядюшку. И навести его обязательно.

– Спасибо вам большое, господин Феррера! Не знаю даже, как вас отблагодарить...

– Себя благодари. Если бы не был таким потрясающим жонглером, я бы мог пристроить тебя только, разве что, подметать дорогу. Посмотрел я на тебя сегодня и чуть не подавился креветкой. И от души выругал Энрико: не мог, старый зануда, позвонить мне раньше! Видите ли, считает он работу жонглера неприличной... Ты давно работал бы у меня. Только не думай, что тебя будут на руках носить. Работать придется много и дисциплинированно. Никто там твои выходки терпеть не будет. И научись говорить вежливо с достойными людьми! С твоей манерой разговора тебе только с панками общаться...

Он говорил и говорил, а я кивал головой и почти ничего не понимал. Душа моя пела. В этот момент я любил всех людей на свете.

И больше всех я любил Габриэля Феррера. Я клялся себе, что с первой зарплаты я куплю бутылку «Королевского Салюта» и подарю ее этому потрясающему человеку.

Что, кстати, я и сделал. Когда я стучался в кабинет к господину Феррере с подарочным набором виски, сердце мое бешено стучало. Я боялся, что Феррера скинет меня с лестницы вместе с моим виски, что вполне было ему по силам. Мужик он был мощный. Как оказалось, раньше он был акробатом, но неудачно сломал руку лет пятнадцать назад, в результате чего перешел к карьере менеджера.

– Привет, – сказал Феррера. Он сидел за столом и заполнял какие-то бумаги. На носу его были очки стоимостью в три моих месячных зарплаты. – Тебе чего?

– Вот... – пробормотал я, ставя свой Chivas Regal на стол. – Это вам, господин Феррера. Да.

– Взятка, – констатировал Феррера, поправив очки пальцем. – Вы знаете, сеньор Гомес, что я обычно делаю, когда мне дают взятку в виде бутылки виски «Королевский Салют», выдержка двадцать один год, стоимость бутылки двести сорок долларов?

– Нет. – Я соображал, как побыстрее унести ноги.

– У меня есть специальная тактика действий в подобных случаях. – Феррера постучал карандашом по столу. – Очень эффективная тактика, смею заметить. Подойдите к вон той стене, Гомес.

Я подошел.

– Видите декоративную панель? Коричневую?

– Да.

– Нажмите на нее, Гомес! – произнес Феррера голосом инквизитора.

Я нажал на эту квадратную хреновину. Я был уверен, что меня тут же убьет током, или на голову мне упадет тяжелое и острое лезвие гильотины. Я даже невольно зажмурился.

Заиграла хрустальная музыка и небольшой кусок стены отъехал в сторону, открыв зеркальный бар.

– Стаканы для виски видишь, Гомес?

– Да.

– Бери парочку и дуй сюда. Лед в холодильнике. И дверь запри. Не хочу, чтобы видели, как я пьянствую на работе.

Ох уж эти испанцы...

3

Вот так-то я и попал на работу. В замечательное место, которое чуть не стало моей могилой. В Парк Чудес.

Я мог бы рассказать вам о Парке Чудес. Мог бы рассказать о каждом укромном уголке этого огромного Парка, потому что я знаю здесь каждый уголок. Я очень люблю это место. И не только потому, что это место отдыха и наслаждения жизнью, место, где ты можешь расслабиться и позабыть о своих бедах, и где никто не будет вымогать у тебя деньги и не плюнет тебе в лицо.

Прежде всего, я люблю это место потому, что знаю людей, которые это место создали. Нельзя было просто так придумать, и распланировать, и нарисовать в чертежах все эти дорожки, и причудливые здания, и безумные аттракционы, и построить их, и просто получать деньги от этого предприятия по производству развлечений. Нет. Тогда это было бы огромным трупом, валяющимся на десятках гектаров бесплодной земли – гигантским трупом парка, холодным, мрачным и уж никак не веселым.

Любовь – вот что было вложено в Парк всеми людьми, которые создали его. Любовь, и немножко сумашедшинки, и неутраченное взрослыми людьми детское восприятие мира.

Пожалуй, я не буду вам подробно рассказывать о Парке, описывать его устройство. Потому что это будет просто рекламой, а я не вправе превращать свою исповедь в рекламный ролик. Я не умею это делать, да и не хочу. Просто приезжайте сюда сами, и вы увидите все своими глазами. Ей-богу, стоит это сделать хоть один раз в жизни – особенно, если у вас есть дети.

Парк Чудес – это царство детей. Причем, довольно больших детей – от десяти до двадцати лет. Детей в том возрасте, когда сексуальное чувство уже пробуждается, и в том, когда оно становится уже довольно сильным, и даже чересчур сильным, но еще нельзя, не разрешено откусить от запретного плода, но уже так хочется, и желание лезет через край, грозя разнести все на кусочки. Я вижу это в глазах подростков Парка Чудес. Иногда они достают меня, эти неугодные мальчишки, у которых темные усики пробиваются над верхней губой, и девчонки, вполне уже развившиеся, с грудью, и с круглой попкой, и со всем, что полагается девчонкам, чтобы сводить с ума одноклассников. Они достают меня своим грациным ором и бешеной, нерастратченной энергией. Гораздо проще иметь дело с влюбленными парочками – теми, что чуть постарше. Молодожены и просто любовники – эти уже немного ленивы, они уже получили то, что хотели, они знают, что в любой момент могут получить это снова, и столько, сколько захочется, и в тоже время они еще не надоели друг другу. Они томны и нежны, эти парочки, они ходят, взявшись за руки, и в соприкосновениях их звучит: «Милый, я хочу тебя»...

Здесь очень много взрослых, и даже пожилых. Причем, если дети преобладают в основном испанские, то вот пенсионеры-то – со всех концов света. Спросите меня: как выглядят пожилые парочки в Парке Чудес? И я скажу вам – выглядят они замечательно! Сексуальная энергия, составляющая ауру Парка Чудес, заряжает их, подпитывает их, хотя они, может быть,

сами этого не сознают, и заставляет сердца их биться быстрее. И вот уже совсем не по-стариковски блестят глаза, и упругой становится походка, и радостно сияют фарфоровые зубы, и седые головы с аккуратно уложенными прическами вертятся из стороны в сторону – что бы такого еще увидеть?

А увидеть здесь есть что. Честно говоря, здесь даже слишком много всего. И, чтобы голова не закружилась с непривычки, продумано здесь все так, чтобы не наваливалось на человека все сразу. И поначалу человек даже не знает, что его ждет. Он просто идет по дорожке, и ест мороженое, и читает большие щиты с надписями на всех языках мира, где разъяснено, куда пройти, чтобы свалиться в воду с высоты двадцати метров на надувном плоту или прокатиться вверх тормашками на грохочущей вагонетке. Но, в сущности, ничего читать не надо, потому что вы все равно не успеете попасть на все аттракционы. Расслабьтесь, подчинитесь Парку Чудес, и он проглотит вас. Проглотит, чтобы утопить в волне удовольствия. И если вы не получите удовольствия от этого, то вы просто фригидны...

4

Вау!!! И это я такое написал?! Да, пожалуй, надо все-таки подкинуть эти листочки в наш рекламный отдел. Может быть, выпишут мне премию песет этак тысяч в пятьдесят? А лучше в сто. Хотя, вряд ли... Сексуальная энергия, грудки, попки и все такое... Цензура зарубит. Нет, скажут, у нас ничего такого. У нас все прилично, скажут. Хотя, поймут, конечно, и внутренне со мной согласятся. А может быть, какая-нибудь симпатичная девчонка из рекламного отдела даже подойдет ко мне и скажет тихонечко: «Мигель... Слушай, у тебя там есть интересные мысли. Мы могли бы их обсудить в подходящей обстановке»...

Размечтался.

Так уж я устроен. Все на свете я вижу сквозь призму желания и любви. Она преломляет истинный свет, моя призма, раскладывает ясный и холодный цвет на сотни цветов и оттенков, превращает его в яркую радугу. Но такой уж я человек.

Не говорите мне, что я – сексуальный маньяк. Вовсе нет. Я просто романтик. Неисправимый романтик.

Не говорите мне, что я – здоровый жизнерадостный идиот. Мне приходилось десятки раз сталкиваться с людьми, которые считали себя холодными интеллектуалами, слугами разума. Они смотрели на меня свысока, потому что я выучил наизусть меньше книг, чем они. Они были уверены, что знают в этом мире все, что способны подвергнуть анализу и переварить в своих рафинированных мозгах любую загадку, заданную нам бытием.

Все они были несчастливы, эти люди. Ибо единственным выводом их теоретических изысканий было то, что мир плох, что мир несовершенен, грязен и жесток, и переделать его к лучшему нет никакой возможности. Эти люди были непрактичными и с трудом справлялись с жизнью без посторонней помощи, даже если были богаты. Часто они были больны. И, в любом случае, они не получали удовольствия от жизни. Они были фригидны.

Я и так знаю, что мир жесток. Меня достаточно били в этой жизни, и не раз пытались убить. Но я выжил и даже улыбаюсь. Я не верю в то, что мир нельзя переделать. Потому что, когда я создаю радугу в небе из своих разноцветных шариков, когда я вытаскиваю конфетку из уха у грустившего карапуза и заставляю его смеяться, когда я тихо шепчу в нежное девичье ушко: «Guara, te amo»⁵⁷, и щеки девушки вспыхивают смущенным румянцем, я переделываю этот мир. Я переделываю его лично для себя, леплю для собственного пользования – таким, каким я хочу его видеть. Улыбчивым и нежным, как раннее утро.

---

⁵⁷ Красавица, я тебя люблю (исп.).

5

Опять лирическое отступление. Все, хватит. Я обещал рассказывать вам все по порядку, а сам сбиваюсь, отступаю от хода событий на каждой странице. Виноват. Постараюсь исправиться.

Итак, я стал работать в Парке Чудес. Парк Чудес – это место, где представлены самые разные уголки земли. Например, кусочек парка под названием «Восток»: здесь играет китайская музыка, стоят здания с квадратными черепичными крышами, висят надписи с замысловатыми иероглифами, и статуи драконов таращатся на вас выпученными зелеными глазами. А еще здесь есть замечательный китайский цирк, где танцует девочка по имени Ань Цзян. Я зову ее Анюткой. Но это моя уже личная достопримечательность...

А вот – «Канзас», широкая улица с двухэтажными деревянными домами, мощенная булыжником. Здесь ходят ковбои в шляпах, в кожаных штанах с бахромой, со шпорами на узконосых сапогах, и с ногами такими кривыми, словно полжизни просидели верхом на бочке. Конечно, кабак здесь называется «Saloon», там танцуют канкан и играют музыку кантри. Здесь есть даже большой эшафот с виселицей и туловищем, только без головы. И вы можете забраться по лестнице на этот эшафот, подойти сзади к этому туловищу и просунуть голову в петлю. И скорчить жуткую рожу, и высунуть язык до пояса, старательно изображая повешенного. И ваши друзья будут хохотать, и фотографировать вас на память. Только мне почему-то не нравится эта шутка. Я ни разу не совал голову в эту петлю – не хочу искушать судьбу.

А еще есть «Джунгли» и «Античный Рим». Может быть, я расскажу о них потом, если время останется.

Сам я работаю в той части Парка Чудес, которая называется «Мексика». Потому что должность у меня такая – изображать тореадора. А тореадоров не бывает ни в джунглях, ни в Китае. Их не было даже в античном Риме. Гладиаторы – были. А тореадоров – не было.

А вот в Мексике есть коррида, да еще какая! Я видел по видеомэгнитофону, специально интересовался. Конечно, истинные испанцы заявляют, что коррида в Мексике второсортная, как и все в Латинской Америке. Но на то они и испанцы – завоевали половину Америки, навели там свои порядки, а теперь говорят: «Это – не наше». Я претензий не имею, поскольку и сам не настоящий испанец. Я – *semiruso*⁵⁸.

Зато я выгляжу почти как настоящий матадор. Мой старый, зеленый, местами протертый до дыр камзол, я, конечно, не выкинул. Я сделал его экспонатом своего личного музея, потому что его недолго, пусть полчаса, но все же носила моя девушка. Еще в этом музее были ее трусики, которые она оставила мне на память. Они лежали в кармане этого камзола, а камзол висел в моем шкафу. Собственно говоря, шкаф и был моим музеем – с двумя экспонатами.

А мне сшили все новое. Выглядел я теперь что надо! Может быть, вы не разбираетесь в этом. Какая вам разница, как я одет? Тореадор, как тореадор. Короткий жакет, едва достающий до талии. Он темно-зеленый, и расшит золотом так, что при ярком солнце смотреть на него больно. Золотые рукава, золотые огромные эполеты на плечах. Широкий атласный синий пояс. Короткие обтягивающие бриджи – чуть ниже колена, тоже все в золотой вышивке и с золотыми (или почти золотыми) пуговицами. Розовые чулки, и мягкие черные туфли без каблуков, но с пряжками.

Ничего себе, – скажете вы. Это уже не мужик, это что-то невероятное! Украсил себя как петух, и счастлив!

И тут вы, конечно, будете абсолютно неправы. Потому что это не я придумал такой костюм. В такой одежде тореадоры выступают уже несколько столетий. Это традиция. Краси-

⁵⁸ Наполовину русский (исп.).

вая традиция, смею вас заверить. Конечно, начинающий бандерильеро может бегать по арене в джинсах или белых штанах. Но настоящий матадор, выходящий на фаэну, не может позволить себе такого. Костюм его стоит целое состояние, но он обязан его сшить. Иначе какой же это матадор?

Чего это я расхвастался? Можно подумать, я – настоящий тореадор... Я и на корриде-то был раз десять в своей жизни – в качестве зрителя, разумеется. Причем в первый раз меня здорово тошнило, особенно, когда бык поднял на рога незадачливого тореро. Я уже рассказывал вам об этом. Я даже не досидел до конца этой первой своей корриды. Я два дня есть не мог, когда вспоминал бурую кровь на желтой утоптанной земле арены – кровь бычьей и человеческую. Я думал, что никогда больше не пойду на это отвратительное зрелище, придуманное садистами-испанцами. А через две недели купил себе билет – на воскресенье. На корриду...

Предмет моей гордости – то, что эту одежду сшил мне портной, который шьет костюмы для настоящих торерос. Семья его занимается этим испокон веков. Разумеется, шьют такие костюмы только мужчины. И Леону Рамиресу, который сшил костюм мне, было далеко за семьдесят.

Габриэль Феррера лично позвонил ему в моем присутствии.

– Привет!!! – заорал он в трубку так, как будто провода были лишними и он намеревался докричаться до соседнего города лишь посредством своего мощного голоса. – Дядя Леон, это я, Габриэль! Да!!! Сын Диего Ферреры! Да!!! Почему я бросил тебя?! Никто тебя не бросал! Да! Я заезжал к тебе два месяца назад, между прочим! Ты забыл уже? Сегодня! Сегодня приеду! Жди! *Nasta la vista!*⁵⁹

Я слегка оглох.

---

⁵⁹ До встречи! (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.